Александр ВДОВИН
ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ РУССКИХ. XX ВЕК
На решении дискуссионного журнала The New Times: «Кремль и Бердяев» по проблемам российских западников и евразийцев в борьбе за сердца Европы.

Александр Иванович Вдовин

Подлинная история русских. XX век

Серия «Политический бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113291
Подлинная история русских. XX век: Алгоритм; М.:; 2011
ISBN 978-5-9265-0661-4

Аннотация

Недавно изданная профессором МГУ Александром Ивановичем Вдовиным в соавторстве с профессором Александром Сергеевичем Барсенковым книга «История России. 1917—2004» вызвала бурную негативную реакцию в США, а также в определенных кругах российской интеллигенции. Журнал The New Times в июне 2010 г. поместил разгромную рецензию на это произведение виднейших русских историков. Она начинается словами: «Авторы [книги] не скрывают своих ксенофобских взглядов и одевают в белые одежды Сталина».

Эстафета американцев была тут же подхвачена Н. Сванидзе, писателем, журналистом, телеведущим и одновременно председателем комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям, и Александром Бродом, директором Московского бюро по правам человека. Сванидзе от имени Общественной палаты РФ потребовал запретить книгу Вдовина и Барсенкова как «экстремистскую», а Брод поставил ее «в ряд ксенофобской литературы последних лет». В отношении ученых развязаны неприкрытый морально-психологический террор, кампания травли, шельмования, запугивания.

Мы предлагаем вниманию читателей новое произведение А.И. Вдовина. Оно представляет собой значительно расширенный и дополненный вариант первой книги. Всесторонне исследуя историю русского народа в XX веке, автор подвергает подробному анализу межнациональные отношения в СССР и в современной России.

Содержание

Часть 1 5
Глава 1 5
Кому и какая польза от стремления к сближению и дальнейшему слиянию наций 5
Различие между интернационализмом и космополитизмом 7
Русские обязаны возместить другим народам неравенство? 10
О яде, именуемом историей, и всесожжении учебников 10
Возрождение национальных культур при социализме – самая опасная форма национализма? 12
Выбор модели мировой социалистической республики для народов Земли в 1920—1922 годах 14
Патриотами какого Отечества были большевики в период ожидания мировой революции? 15
Как пытались предать смерти и забвению историю дореволюционной России 18
Бичевание старой России и «обломовщины» как родовой русской черты 21
Революционаризм и русофобия 23
Историки – «зоологические националисты»? 26
Первые признаки поворота к традиционному пониманию Родины и патриотизма 28
Сталин, февраль 1931-го: «Теперь у нас есть Отечество» 32
Заявка на русское первенство в международном пролетарском движении 33
Приход Гитлера к власти в Германии и закрепление поворота к патриотизму в СССР 33
Арьергардные бои с «русским национализмом»: «Дело славистов» 35
Посрамление революционно-утопических идей в языковом строительстве 39
Глава 2 46
Культивирование патриотизма как средства отражения внешней угрозы 46
Выдвижение истории и патриотизма на острие государственной политики 47
Развенчание Энгельса 50
Почему бухаринская трактовка общности советских людей была не принята властью 51
Будущность наций и Конституция 1936 года 56
История должна быть великим оружием в борьбе за государственные интересы 59
Чем были нехороши «Богатыри» Демьяна Бедного 60
Как троцкисты-бухаринцы были национал-шовинистами 61
Противодействие ассимиляции – контрреволюция? 64

Отличительные черты сталинской национал-большевистской политики 65
Для чего понадобился титул «старший брат» для русского народа 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Александр Иванович Вдовин
Подлинная история русских. XX век

Часть 1
От революции 1917-го до «оттепели» 1953-го

Глава 1
Русский народ в национальной политике и идеологии 1917 – начала 1930-х годов

Кому и какая польза от стремления к сближению и дальнейшему слиянию наций

Приход большевиков к власти в России в 1917 году означал, что они получили возможность направлять в соответствии со своими политическими программами процессы сближения и слияния наций в стране и мире. Курс на мировую революцию означал разрыв с идеями патриотизма, начало строительства единой мировой социалистической республики и, соответственно, – новой мировой социалистической общности людей, призванной ликвидировать со временем былые государственные и национальные различия на планете. Представления о безнациональном будущем человечества были свойственны не только большевикам. Они издавна питались космополитическими и интернационалистскими идеями, слабо различавшимися между собой. Эти идеи были присущи значительной части российских интеллигентов, оппозиционных дореволюционному политическому режиму.

Один из первых приверженцев таких идей, молодой Ф.М. Достоевский утверждал: «Социалисты происходили от петрашевцев», от кружка российских интеллигентов, существовавшего в 1844—1849 годах. Вслед за М.В. Буташевичем-Петрашевским многие из них полагали, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди». Книга «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» (1953) содержит пояснение, что-де термин «космополитизм» употребляется в смысле «интернационализма и гуманизма». Однако это не совсем так. Лидер петрашевцев был убежден, что в исторической перспективе в мире исчезнут не только вражда, но и различия между народами, что нации по мере своего развития утрачивают свои признаки и что, только утрачивая эти свои отличительные, прирожденные свойства, они могут стать «на высоту человеческого, космополитического развития».

Подобные представления о национализме и космополитизме развивали и ближайшие предшественники российских социал-демократов и большевиков, – например, идеологи народничества П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев. Последний, по определению Н.А. Бердяева, «более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина».

Согласно Лаврову, в 1940-х годах XIX века интернационалисты в лице К. Маркса и его последователей возродили космополитическую традицию энциклопедистов XVIII века, придав ей иной характер и найдя себе иную социальную базу. Подобно космополитам, новые интернационалисты не видели в нациях какой-либо самостоятельной исторической цен-

ности. Напротив, они полагали, что национальности есть лишь «остатки доисторического периода человечества или бессознательные продукты его истории». Сама по себе национальность, говорил Лавров, «не враг социализма, как современное государство; это не более как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма». Вместе с тем сторонникам социализма поневоле приходилось действовать в национальной среде, и для успеха этой деятельности социалист, по Лаврову, в сущности, был обязан выступать как «самый ревностный националист». Однако деятельность такого националиста весьма своеобразна. Ее цель – ввести людей своей нации как можно лучше в работу социалистических идей с тем, чтобы в конце концов национальные различия между людьми были преодолены и позабылись.

«Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный», – значилось в программном документе П.Л. Лаврова (1873), национальный же вопрос должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы, для которой границ, языков, преданий не существует: «есть только люди и общие им всем цели». Эти принципы неизбежно требовали самой решительной борьбы против национальной раздельности: «Каждая нация должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям». Считалось, что по достижении этих целей национальности «вступят равноправными членами в будущий строй федерационной Европы», внутренние границы в которой с самого начала будут иметь крайне мало значения, а по мере дальнейшего развития и само различие национальностей станет лишь «бледным преданием истории, без практического смысла».

Еще определеннее и резче по национальному вопросу высказывался П.Н. Ткачев, выступая против тех, кто пытался сочетать приверженность к социализму с приверженностью к национальности. Наиболее значимые мысли, изложенные в этой связи Ткачевым в обширной статье-рецензии «Революция и принцип национальности» (1878), в кратком изложении сводятся к следующему. Между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть ни эллинов, ни иудеев, есть только люди. Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить национальные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений. Все главнейшие факторы буржуазного прогресса – государство, наука, торговля, промышленность – имеют одну и ту же общую тенденцию: все они в большей или меньшей степени стремятся сгладить национальные особенности, когда-то резко разделявшие между собой людей, стремятся смешать последних в одну общую однородную и одноформенную массу и вылить их в один общенациональный, общечеловеческий тип. Восставать против этого нивелирующего и космополитизирующего влияния прогресса могут лишь «социалисты по недоразумению». Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему – это одно из элементарных требований настоящего социалиста. Заключая рассуждение, Ткачев вновь подчеркивал: невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм.

Носители подобных взглядов искренне не замечали, что их космополитизм может быть истолкован в националистическом духе и восприниматься со стороны как великодержавный шовинизм численно и культурно доминирующего народа. Напротив, они всячески пропагандировали необходимость уважения каждой народности. Социалист, как подчеркивал Ткачев, обязан был действовать «не оскорбляя ничьего национального чувства, напротив, пользуясь им во всех тех случаях, где это может быть полезно для дела революции, он не должен, однако же, раздувать его какими бы то ни было искусственными мерами; с одной стороны, он должен содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой – он

должен самым энергическим образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности. И он не может поступать иначе». На наш взгляд, лекция П.Л. Лаврова и урок, преподанный П.Н. Ткачевым автору «Записок южнорусского социалиста», были особенно хорошо усвоены и применены позже на практике Лениным и Сталиным.

Определяющим для лидеров российских большевиков были указания основоположников марксизма: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»; с уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут».

Ленин и большевики вслед за своими учителями считали себя не космополитами, а интернационалистами, которым полагалось не отрицать национальности как таковые и даже за малейшей национальностью признавать право на свободное и самостоятельное существование. Тем не менее, Ленин видел задачу своей пролетарской партии в том, что она «стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций», что никакого противоречия между пропагандой свободы отделения наций и пропагандой их слияния «нет и быть не может». В марте 1919 года он солидаризировался с Г.Л. Пятаковым в том, что мир без наций – «это великолепная вещь и это будет», и сожалел лишь о том, что будет это не скоро.

Различие между интернационализмом и космополитизмом

В сознании социал-демократов быть интернационалистом значило отрешиться не только от национальных пристрастий и антипатий, но и от национальности как таковой. Многие из видных большевиков открыто кичились своей анациональностью. В.И. Ленин при заполнении формуляра паспорта демонстративно написал о себе: «Без национальности». Л.Д. Троцкий, поясняя свою позицию в национальном вопросе, писал в своей автобиографии «Моя жизнь» (1930): «Национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм». Отвечая на вопрос, кем он себя считает – евреем или русским, Троцкий говорил: «Ни тем, ни другим. Я социал-демократ, интернационалист». Л.Б. Каменев тоже не считал себя евреем. Л.М. Каганович подчеркивал, что евреем был только по рождению, но «никогда не руководствовался в своей работе национальными мотивами. Я интернационалист». Л.З. Мехлис утверждал: «Я не еврей, я – коммунист». По свидетельству коллег, известный историк, профессор Московского университета А.Я. Аврех гордился тем, что был «ни евреем, ни русским, а только марксистом-интернационалистом».

В этом отношении можно обратить внимание на любопытную характеристику К. Радека, приведенную в книге современного автора, с симпатией относящегося к этому историческому персонажу. «Карл Радек, – пишет В.А. Фрадкин, – был человеком незаурядным, заметным, любопытным, одаренным, одним из самых известных и влиятельных журналистов СССР того времени. А с другой стороны, Карл Радек – типичный деятель международного авантюрного толка, приверженец космополитизма, воспринимаемого часто как интернационализм. При чтении всевозможных материалов и воспоминаний о Радеке складывается впечатление, что он не верил ни в Бога, ни в черта, ни в Маркса, ни в мировую революцию». Как видим, «космополитизм» здесь выступает родовым понятием, а интернационализм – одним из видов последнего. «Среди большевиков нет евреев, есть лишь интернационалисты» – эту фразу и различные ее вариации твердили десятки русских

большевиков, родившихся евреями. Считается, что отношение к России, к русской нации, продемонстрированное лидерами большевиков и ультраинтернационалистами в послереволюционные годы, было следствием не их этнического происхождения, а «интернационально-космополитического мировоззрения» (Д.А. Волкогонов).

Здесь уместно сделать пояснение о характере связи, существующей между понятиями «интернационализм» и «космополитизм». На наш взгляд, она обнаруживает себя в следующем. В определенном смысле различие между этими понятиями существенно и принципиально, поскольку базируется на различном классовом основании. Можно сказать, космополитизм – это интернационализм капитала, интернационализм буржуазии. Интернационализм – это космополитизм рабочего класса, «красный космополитизм». В другом отношении, особенно важном для анализируемой нами проблемы, различия между интернационализмом и космополитизмом не существует; они преследуют одну и ту же цель – слияние наций. Возможно, этим можно объяснить позицию одного из свидетелей «последнего сталинского злодеяния». Осмысливая в течение многих лет «дело врачей» и предшествующую ему борьбу с космополитизмом, Я.Л. Рапопорт в своей книге «На рубеже двух эпох» (1988) отметил: «Борьба с космополитизмом не имела ничего общего с теоретической принципиальной дифференциацией двух понятий: космополитизм и интернационализм. Когда-то в трудах теоретиков марксизма они мирно уживались, научно анализировались и не были в такой острой непримиримой вражде, как в описываемый период 40-х годов».

Некоторые основания для такого утверждения имеются. Составители выпущенного в 1926 году «Настольного энциклопедического словаря-справочника» во главе с П.И. Стучкой полагали, например, что «в основе идеологии фашизма лежит националистический патриотизм, резко противопоставляемый социалистическому космополитизму». Без каких-либо изменений это положение включено во второе издание. В третьем издании (1929) «националистический патриотизм» в той же словарной статье о фашизме противопоставлен уже «социалистическому интернационализму». Каких-либо объяснений необходимости такого уточнения справочник не содержит. Надо полагать, самые широкие читательские круги, которым эти издания предназначались, на весьма авторитетном «энциклопедическом» основании могли отождествлять социалистический интернационализм с социалистическим космополитизмом.

«Диаметрально противоположные позиции», на которых якобы стоят космополиты и интернационалисты, в специальной работе Е.Д. Модржинской «Космополитизм – империалистическая идеология порабощения наций» (1958), пожалуй, единственном обстоятельном исследовании проблем космополитизма в советской литературе, изображаются так: «Космополитизм, отрицающий национальный суверенитет, попирающий права народов на свободу и независимость, призывает к слиянию наций насильственным путем, требуя фактически порабощения и закабаления всех народов мира империализмом». Но здесь же читаем: «Слияние наций является целью коммунистов, но на совершенно иной основе. Перспективу слияния наций марксистско-ленинская теория рассматривает с точки зрения объективного процесса общественного развития. Слияние наций может наступить только в результате длительного исторического развития, в результате освобождения наций и расцвета национальных культур». Однако утверждения насчет демагогии и лицемерия космополитов, которыми прикрывается негодная цель – ликвидация наций и национальных культур, и идиллия будто бы полного доверия и добровольного согласия народов, шествующих за пролетарскими интернационалистами по мирному пути слияния наций, в наши дни могут служить разве что примером того, как философы в недавние времена могли выдавать желаемое за действительное.

Космополиты и интернационалисты, по общим основаниям и целям их доктрин, враждебны национальной идее и нации как таковой. Например, когда представители евреев, рато-

вавшие за создание условий «возрождения и расцвета» своего народа, обратились в апреле 1920 года за поддержкой к Ленину (ходатаем выступал М. Горький), они встретили полное непонимание. Ленин категорически заявил, что к сионизму он относится крайне отрицательно. Во-первых, – сказал Ленин, – национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классовой борьбы, в то время как нации – выдумка буржуазии; и потом, главное зло современности – государства с их армиями. Государство является орудием, с помощью которого меньшинство властвует над большинством и правит всем светом. Основная цель – уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун. Сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно национальное государство к уже существующим.

Враждебность космополитов и интернационалистов национальной идее находила свое крайнее выражение в попытках игнорирования, «отмены», нигилистическом отношении к нации. Можно назвать это ультраинтернационализмом, вульгарным интернационализмом. Общность космополитизма и интернационализма проявляется в попытках форсирования интеграционных, объединительных процессов в многонациональных сообществах, в ускорении сближения и слияния наций (это – «нормальный», «правильный» интернационализм). При угасании революционного запала и классового шовинизма интернационализм начинает трактоваться как «дружба» и «братство» народов без учета и безотносительно к их классовой структуре и характеру межнационального сближения. Такой интернационализм, по Ленину, ничего общего с настоящим, пролетарским не имеет. И называл он его не иначе как «мелкобуржуазный национализм».

Формулируя тезисы ко II конгрессу Коминтерна (июнь 1920 г.), Ленин призывал к борьбе с «наиболее закоренелыми мелкобуржуазно-национальными предрассудками», которая «тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата, по крайней мере, нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)». Соответственно определялся и пролетарский интернационализм, требующий: 1) подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; 2) способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала. Трактовка же интернационализма в духе равноправия и дружбы народов, как тогда же отмечал Ленин, соответствовала мелкобуржуазным представлениям об этом феномене. «Мелкобуржуазный национализм, – писал он, – объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя… неприкосновенным национальный эгоизм». Подлинный интернационалист, по Ленину, считал националистическими мещанами всех, кто защищает лозунг национальной культуры, сам же следовал императиву: «Не «национальная культура» написано на нашем знамени, а *интернациональная* (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве».

С этой точки зрения известную формулу о расцвете при социализме национальной по форме и социалистической по содержанию культуры следует понимать как национальную по форме и денационализированную по содержанию. В результате этого процесса нации должны были исчезнуть. С отказом от социализма оставшиеся от советских времен «национальные формы» наполняются реальным, не социалистическим содержанием. В действительности, социалистическое денационализированное содержание вытесняется воскресающим родо-племенным, феодальным и буржуазным (национальным и космополитическим) содержанием. Главный выбор нашего времени состоит в выборе между последними ориентирами – буржуазным и космополитическим.

Русские обязаны возместить другим народам неравенство?

Социализм виделся Ленину обществом, которое «гигантски ускоряет сближение и слияние наций». Ради скорейшего достижения этой цели от русской нации требовалось возместить другим нациям «то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Интернационалист Н.И. Бухарин говорил на XII съезде партии (1923), что русский народ необходимо искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими народами и этой ценой «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». М.И. Калинин призывал поставить малую национальность в «заметно лучшие условия» по сравнению с большой. Эти установки в той или иной мере проводились в жизнь до тех пор, пока существовал Союз ССР, они же, на наш взгляд, в определенной степени обусловили его распад.

В постсоветский период утверждается, что интернационализм надо понимать как «движение к другим народам, стремление жить с ними в мире и согласии, обмениваться культурными ценностями», а «историческая миссия многонационального государства состоит в том, чтобы привести свои нации в мировое содружество» (С.Н. Артановский). Это скорее уже некий выхолощенный, «мелкобуржуазный» интернационализм, весьма далекий от своего настоящего прародителя и предназначения, к тому же, как видим, вполне мирно объединенный со своим собратом и неприятелем космополитизмом. При характеристике современных общественных движений и общественного сознания места для интернационалистов порой уже и вовсе не находится. Например, отмечается, что русская нация ныне разделилась на два непримиримых лагеря: «В одном – великодержавники, славянофилы и евразийцы, в другом – западники, интегралисты или космополиты» (Г.Х. Шахназаров).

Впрочем, сегодня всякому, кто отвергает коммунизм как цель общественного развития (и, соответственно, отказывается от идеологии, обосновывающей достижение этой цели), не остается ничего другого, как предать забвению и принципы интернационализма, и само это понятие. Ближайшим понятием, способным заменить «интернационализм», оказывается «космополитизм». К примеру, преимущества «красных директоров» перед приверженцами нового курса на капитализацию России А.С. Ципко видит в том, что эти директора – «все еще советские люди, не имеют национальных пристрастий и привычки выяснять, у кого сколько “русской крови”. Они куда более интернационалисты и космополиты, чем вожди беловежской партии».

О яде, именуемом историей, и всесожжении учебников

Однако последовательные сторонники космополитической идеи интернационалистов не жалуют. Их логика хорошо представлена в докладе знаменитого Герберта Уэллса «Яд, именуемый историей», с которым он неоднократно выступал во второй половине 1930-х годов. Писатель исходил из того, что опасность для мировой цивилизации заключена в самом существовании наций и их искусственном культивировании в каждой отдельной стране патриотами, а главным образом – историками. Последние, говорил Уэллс, своим профессиональным интересом к прошлому чрезмерно подчеркивают общественные и экономические особенности народов, навязывают молодежи мысли о национальных различиях, учат быть гражданами и патриотами. А поступать во имя всеобщего благоденствия надо, по убеждению писателя, прямо наоборот. Если мы хотим, чтобы мир был единым, то, доказывал он, «мы не должны исходить из понятий нации, государства». Культурному учителю вообще не пристало говорить «*наша* национальность, *наш* народ, *наша* раса», ибо «вся эта банальная чепуха глупа и лжива». Все факты реальной действительности вопреки историческому

прошлому свидетельствуют в пользу единого мирового государства – космополиса, естественного, а в современных условиях просто необходимого Всемирного Братства людей. Его созданию и должно было бы способствовать преподавание истории. В качестве первого шага в нужном направлении предлагалось устроить всесожжение старых учебников истории и отлучить от преподавания педагогов, для которых «исходное понятие – нация… излюбленное словечко – *интернациональный*, а не космополитический». Как видим, само слово «интернациональный» отвергается, потому что в соответствии со своим латинским происхождением (inter, между и natio, nationis, народ) означает связь между реально существующими нациями. Нациям же, согласно Уэллсу и ему подобным радетелям человечества, не должно быть места ни в действительности, ни в мыслях.

Нынешние космополиты, равняясь на своих классиков, тоже порой представляют интернационалистов заурядными националистами, только с приставкой «интер». Утверждая, что сами создатели «научного коммунизма» были космополитами и этого не скрывали, один из новейших отечественных космополитов пишет, что последователи К. Маркса лишь произвели замену национальной вражды на вражду классовую, провозгласив ее более прогрессивной, более культурной, чем национальная. «Но кто измерит, – восклицает он, – какой национализм больше нанес страданий, больше пролил крови и слез: с приставкой интер или без таковой. Предпочтение любого из этих измов другому тем паче сомнительно, что слить классы оказывается не более реально, чем слить нации». Единственный способ преодоления национализма усматривается в космополитизме, в отказе от патриотизма, национальной гордости, в освобождении от ощущений национального в себе. Ибо, как утверждается, именно национализм – от самых необидных форм национального эгоизма до патологии шовинизма – реальное состояние национального самосознания «я». Всякий патриот своей нации есть уже националист – эгоист, предпочитающий свою нацию любой другой; всякий, кто согласен подписаться под словами Г.Р. Державина «Мила нам добра весть о нашей стороне, / Отечества и дым нам сладок и приятен!» – это законченный национал-эгоист; национальная гордость – не что иное, как скользкая дорожка в национальную кичливость, ура-патриотизм, ксенофобию. Предлагается навеки реабилитировать киренаиков с их формулой «где хорошо, там и отечество». Полагая, что «нейтральное проявление национального духа почти невозможно», видимо, научившийся такому искусству автор утверждает: *«Космополитизм не отрицает национального самосознания, национальной культуры»*; всякому национализму должен быть противопоставлен «национальный альтруизм, то есть *космополитизм* – совмещающий любовь к своему отечеству с любовью ко всему миру» (Звезда. 1993. № 8).

И все было бы хорошо в этих благостных призывах, если бы автор сообщил, какими реальными путями можно привести народы разных стран и национально-государственных образований в райскую страну, где все поклоняются апостолу Павлу с его заветом: «Несть эллин, несть иудей». Ю.М. Нагибин, например, считал, что осуществить апостольский завет очень просто. «Подставим под эллина русского, а под иудея все остальные нации, существующие на планете», – завещал он в свою очередь, и проблема будет решена. Правда, почему-то он был убежден, что есть только один народ, не желающий этого. «Русские, конечно, перепугаются: пропадет богатство национальных красок. Ничего не пропадет», – говорил он с такой уверенностью, будто держал в руках результаты референдума, и все остальные народы уже сказали свое «Да». Действительность, однако, заставляет сильно сомневаться в такого рода заверениях. Рецепт снадобья, которое излечивало бы патриотов от любви к родине, от национальных предпочтений и превращало бы их всех разом в национальных альтруистов, ни древними, ни новейшими космополитами не изобретен. Обращающиеся же в космополитическую веру одиночки способны лишь на подвиг самый прозаический – отправиться как можно скорее в открытое еще в V веке до новой эры киренаиками место, где всегда лучше, чем на родине, и где дым былого отечества не раздражает.

Правда, и проповедники космополитизма в утверждении своих взглядов ведут себя порой не менее воинственно, чем шовинисты. В одном из выпусков публицистических выступлений писателей Москвы и Санкт-Петербурга в поддержку Президента Российской Федерации (Что дальше? М., 1993. Вып. 3) Б.Н. Ельцину был адресован весьма своеобразный упрек за потакание «парламентскому большинству», на языке Нагибина – «сброду хасбулатовских прихвостней». «Вы пропустили мимо ушей, – писал он, – вещие слова Лермонтова: “Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал”. И он приполз, этот злой чечен, на берег Москвы-реки, наводнив город своими воинственными соплеменниками, которые терроризируют рынки, убивают шоферов такси, стреляют в ресторанах и вывозят из Москвы несметные сокровища. А главный герой с жестокой настойчивостью рвется в маленькие Сталины. А может, русскому народу захотелось по-мазохистски после норманнов, татар, ляхов, французов, остзейских немцев, евреев, грузин и украинских кацапов попробовать чеченской плети? Как-то не хочется этому верить…» Не хочется верить и глазам своим, читая подобное. Видимо, некоторые последователи Диогена Синопского готовы вслед за ним не только слыть гордыми космополитами, но и от излишков культуры избавиться. Первый «гражданин мира», как известно, всю культуру объявлял насилием над человеческим существом и был преизрядным циником.

Современные троцкисты также не видят каких-либо различий между интернационализмом и космополитизмом. Они заявляют: «В сущности, марксизм был всегда вполне *космополитическим* движением» (Бюллетень Спартаковцев. 1992. № 3). Но в отличие от «чистых» космополитов – чистых от какого бы то ни было налета классовости и классового понимания этого феномена – троцкисты понимают под космополитизмом интернационализм, который они якобы уберегли от национал-большевистских извращений.

В этой связи можно обратить внимание на оригинальную трактовку соотношения интернационализма и национализма, намеченную в 1995 году известным историком и политологом Л.А. Гордоном. Обосновывая «логику разрушения государственного социализма», он представляет СССР кануна перестройки как страну, для которой характерны «авторитарный режим, социальный патернализм, унитарное государство, национализм и противостояние Западу». Цивилизовать такую страну может лишь «политическая и социальная демократия, федерализм, интернационализм, сближение с Западом». Согласно такой логике, интернационализм является родовым признаком капиталистического Запада, а к Союзу ССР якобы не имел отношения.

Возрождение национальных культур при социализме – самая опасная форма национализма?

Ярким примером революционера, понимавшего интернационализм в таком ультралевом выражении, являлся, как отмечалось, Л.Д. Троцкий. Разделявшая его взгляды «горстка таких же догматиков и одновременно романтиков, революционеров-космополитов, каким оставался до самой гибели он сам» (Д. Штурман), была не такой уж и маленькой. Как течение общественной мысли и как общественное движение троцкизм живет и в наши дни. Национальная культура в троцкистской трактовке – синоним культуры буржуазной, которая в переходный период к социализму должна была разделить судьбу этого класса. Возрождение наций при социализме, а тем более изобретенный Сталиным «расцвет» национальных культур воспринимался ими как самая опасная форма национализма.

В.А. Ваганян, широко известный в 1920-е годы автор работ по философским проблемам культуры, один из членов-учредителей Общества воинствующих материалистов и член его президиума, представлял в своей книге «О национальной культуре» (1927) развертываемую в СССР культурную революцию явлением, «обратным, противоположным националь-

ной культуре», процессом, при котором «мы не только не создаем и не обогащаем так называемую «национальную культуру» своей настоящей культурной революцией, а наоборот, мы разрушаем, убиваем, хороним и вбиваем осиновый кол в могилу этого остатка и самого опасного пережитка буржуазной культуры».

Формирование социалистической общности людей и ее культуры (слияние наций) мыслилось при этом как процесс вытеснения элементов национальной культуры (которые якобы не могли быть никакими иными, кроме как буржуазными, крепостническими, националистическими, даже каннибальскими) и наращивания элементов культуры интернациональной – культуры «декабристов, Белинских, Чернышевских, Плехановых, Ленина». За пределами великорусских областей задача партии усматривалась в том, что «она выявляет элементы интернациональной культуры у себя дома и создает, сажает на почву условий быта своего народа интернациональную культуру более высоко развитых народов». В мировом масштабе, согласно Троцкому (статья «Мысли о партии», 1923), разрешить национальный вопрос было можно, только обеспечив за всеми нациями «возможность ничем не стесненного приобщения к мировой культуре – на том языке, который данная нация считает своим родным языком».

Многообразие языков, естественно, выступало в качестве фактора, замедляющего приобщение к мировой культуре. «Уже теперь, – писал по этому поводу В.А. Ваганян, – существование множества национальных языков является колоссальным препятствием хозяйственного общения народов». Однако препятствие это казалось не таким уж труднопреодолимым. Самодовлеющей ценности в национальных языках не усматривалось. Считалось, что они представляют собой лишь «формальный признак» культуры. К тому же ни один из национальных языков не был «чистым», каждый из них представлялся продуктом сложного взаимодействия целого ряда языков, многократных исторических наслоений, каждый не раз «скрещивался со многими языками, одних ассимилируя, от других вбирая большое число корней и понятий». Учитывая все это, предлагалось на первых порах всемерно развивать национальные языки «как кратчайший путь внедрения интернациональной культуры пролетариата в народные толщи» и осуществлять таким образом создание «интернациональной культуры на национальных языках».

Впрочем, этот путь представлялся не единственным и не главным. Законы предстоящей эпохи, по мнению Ваганяна, таковы, что не только не помогают замыканию и развитию национального языка, но в гораздо более ускоренном темпе продвигают дело стирания межнациональных граней, дело поглощения слабых, неразвитых, небогатых языков и наречий наиболее сильными и мощными языками. Иначе говоря, Ваганян утверждал: «При социализме совершится процесс, который диалектическим противоречивым путем приведет – и не может не привести – к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интернациональных языков». Видимо, не случайно в возглавляемой Троцким Красной Армии изучение эсперанто до 1923 года было особым знаком интернационализма. Этот искусственный международный язык мыслился как язык, могущий в будущем прийти на смену национальным языкам всех народов мира. Во второй половине 1920-х годов подобную роль в масштабах СССР троцкисты стали отводить русскому языку. Ваганяну он представлялся языком «всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем *все вместе*. Но ко всему этому русский язык есть *межнациональный язык нашего Союза*… далее, это язык нашей единой союзной экономики».

Выбор модели мировой социалистической республики для народов Земли в 1920—1922 годах

При образовании СССР в 1922 году споры шли, в сущности, о начальной форме будущего единства народов мира, которая могла бы стать первой из переходных форм сближения и слияния народов в мировой социалистической общности людей. Ленин требовал создания Союза ССР вместо предлагаемой Сталиным Российской республики не столько из-за опасений усиления централизма и русификаторства, сколько предвидя возможность вхождения в СССР других стран по мере успехов революции на Востоке и Западе. Во взглядах на первичную форму государственного единства социалистических наций Ленин в сентябре – декабре 1922 года перешел на позицию, близкую к той, которую Сталин занимал в июне 1920 года.

Тогда перед II конгрессом Коминтерна Ленин разослал «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» целому ряду своих соратников, в том числе и Сталину, находившемуся в Харькове, в штабе Юго-Западного фронта, и просил сделать замечания по этому «наброску». Сталин в своих замечаниях к тезисам предложил включить в них положение о конфедерации, как об одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций. Аргументируя предложение, он писал: «Для наций, входивших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений». Однако, полагал далее Сталин, этого нельзя сказать о национальностях, которые не входили в состав старой России, долгое время существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность и которые, если они станут советскими, вынуждены будут силою вещей установить те или иные государственные отношения с Советской Россией. Например, будущие Советская Германия, Польша, Венгрия, Финляндия.

И.В. Сталин сомневался, что народы этих стран, став советскими, согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией «типа башкирской или украинской». Советский тип федерации и вообще федерация были бы еще более неприемлемы, по мнению Сталина, для отсталых национальностей зарубежного Востока. Исходя из этих соображений, в ленинские тезисы о переходных формах сближения трудящихся разных наций и было предложено «внести (наряду с федерацией) *конфедерацию*. Такая постановка придала бы тезисам больше эластичности, обогатила бы их еще одной переходной формой сближения трудящихся разных наций и облегчила бы национальностям, не входящим ранее в состав России, государственное сближение с Советской Россией».

Вспоминая об этом своем предложении в защиту конфедерации, Сталин говорил 25 апреля 1923 года участникам заседания секции XII съезда партии по национальному вопросу: тогдашнее предложение Ленина сводилось к тому, что «мы, Коминтерн, будем добиваться федерирования национальностей и государств. Я тогда сказал… не пройдет это. Если Вы думаете, что Германия когда-либо войдет к Вам в федерацию на правах Украины, – ошибаетесь. Если Вы думаете, что даже Польша, которая сложилась в буржуазное государство со всеми атрибутами, войдет в состав Союза на правах Украины – ошибаетесь. Это я говорил тогда. И товарищ Ленин прислал грозное письмо – это шовинизм, национализм, нам надо центральное мировое хозяйство, управляемое из одного органа».

Что же касается конечной формы государственного и национального социалистического единства, то она в первые годы революции никаких разногласий среди большевиков не вызывала. Азбучной истиной (по «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, написанной в октябре 1919 г.) считалось, что со временем, когда Всемирный федера-

тивный союз «окажется недостаточным для создания общего мирового хозяйства и огромное большинство на опыте осознает эту недостаточность, будет создана единая мировая социалистическая республика».

Троцкистские представления о путях утверждения социализма на планете Земля в наибольшей степени соответствовали ультрареволюционной ментальности первых лет советской власти и всех 1920-х годов. Л.Д. Троцкий в этом вопросе нисколько не противоречил В.И. Ленину, ключевая мысль теоретического наследия которого может быть выражена положением: «Дело всемирной пролетарской революции (есть) дело создания всемирной Советской республики». Троцкий нисколько не противоречил и Конституции СССР 1924 года, объявлявшей образованное в конце 1922 года интернациональное государство открытым «всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем».

Воззрения Л.Д. Троцкого на национальный вопрос в своей основе были близки к люксембургианству, имевшему немало сторонников в большевистской партии. В их числе были такие известные деятели, как Н.И. Бухарин, Л.Г. Пятаков и, как это ни покажется странным, едва ли не все члены коллегии Наркомнаца, исключая лишь председателя. «Открыто или полусознательно, – писал Троцкий в 1930 году, – они стояли на уже известной точке зрения Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме оно излишне». Будучи, по его же наблюдениям, русифицированными инородцами, они свой абстрактный интернационализм противопоставляли реальным потребностям развития угнетенных национальностей. Л.Д. Троцкий полагает, что тем самым они объективно возрождали старую традицию русификаторства и великодержавности, с чем трудно согласиться. Абстрактный интернационализм никак не мог соответствовать реальным потребностям также и русского народа. Можно сказать, русского – прежде всего. В Наркомнаце не случайно не видели никакой необходимости в русском комиссариате, в то время как другие народы таковые имели.

Стремление с помощью Наркомнаца решать национальные проблемы в стране без представительства и учета интересов русского народа находило свое выражение не только в отсутствии специального отдела, но и в том, что само участие русских в работе комиссариата считалось вовсе не обязательным, если не сказать вредным. Характерен в этой связи ход мыслей С.С. Пестковского. Троцкий представлял его старым польским революционером, ближайшим помощником Сталина в первые двадцать месяцев советского режима. «Проэкзаменовав себя строго, – писал Пестковский в 1923 году о выборе им своего места в рядах борцов за социализм, – я пришел к убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей. Я сам инородец, – рассуждал я, – следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате». Решившись, он отправился к Сталину и заявил ничтоже сумняшеся: «Я вам “сделаю” комиссариат», с чем Сталин якобы и согласился. Этот весьма выразительный исторический эпизод говорит как раз о том, что если и другие «люксембургианцы-инородцы» думали так же, то вряд ли следует грешить на них, как на «объективно великорусских» националистов.

Патриотами какого Отечества были большевики в период ожидания мировой революции?

Почти все 1920-е годы истории нашей страны прошли в ожидании мировой революции и готовности российских адептов к сражениям на ее баррикадах. Брестский мир был, как известно, заключен не от избытка миролюбия в большевистской среде. Противники этого «похабного» мира выступали против его подписания под провокационными лозунгами: «Ни

мира, ни войны» (Троцкий) и «Немедленная революционная война» (левые коммунисты во главе с Бухариным). «Раз началась пролетарская революция, – говорил, например, М.Н. Покровский, оказавшийся в тот момент в стане бухаринцев, – она должна развертываться во всеевропейском масштабе, или она падет и в России». Ленин миротворцем был лишь потому, что в отличие от своих соратников сознавал невозможность собрать под знамена всесветной революции достаточное число боевиков. «Мы – оборонцы теперь, с 25 октября 1917 года, мы – за защиту отечества с этого дня», – выставил он тогда свое новое кредо, разъясняя попутно, что принимать военную схватку с бесконечно более сильным неприятелем, когда не имеешь армии, значит совершать преступление с точки зрения защиты отечества. Однако и отечество, и патриотизм в трактовке Ленина своеобразны. Это был «социалистический патриотизм» и «родина» абстрактного мирового пролетариата, патриотами которой заведомо не могли считаться не только «буржуи», но и все другие непролетарские, мелкобуржуазные массы – подавляющее большинство населения России и других стран мира. Патриотизм последних мог быть, в представлениях большевиков, только национализмом и шовинизмом.

Первое поколение советских людей в советской стране воспитывалось не для защиты родины, а для Всемирных идеалов, способы осуществления которых в первые революционные годы никак не камуфлировались. Ленин говорил на IX партконференции (1920) о необходимости красной интервенции на Запад. В этом же духе был составлен приказ М.Н. Тухачевского о походе на Варшаву. Троцкий намечал вторжение в Индию. М.В. Фрунзе писал: «Мы – партия класса, идущего на завоевание мира». Только с учетом таких умонастроений и действий можно объяснить, почему нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая в сентябре 1918 года перед учителями с лекцией «О преподавании истории в коммунистической школе», был по-революционному безапелляционен: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено».

Доводов у наркома было много. Главный – в том, что только благодаря «проклятой национальной школе в Германии, где немцы искуснее всех поставили свое преподавание “патриотизма”… возможна стала мировая бойня». Воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине» (к этому были призывы на недавнем Всероссийском учительском съезде), родному языку – неверно уже потому, что «здоровые» чувства есть не результат воспитания, а следствие обстоятельств, языковой среды, окружающей природы, одним словом, – привычка. Специально воспитывать ее – «это глупость, это все равно, что учить блондина быть блондином». Говорить, будто русский язык самый лучший, по Луначарскому, было равносильно утверждению, что французский и немецкий никуда не годятся. Кроме того, это значило бы не понимать «проклятие человечества, что мы не можем слиться в единую человеческую семью, потому что языки, разнородность быта создают препятствие такому братству».

Социалисты, настаивал А.В. Луначарский, докладывая на I Всесоюзном учительском съезде задачи просвещения в системе советского строительства (январь 1925 г.), «должны положить в основу преподавания интернациональный принцип, принцип международности, принцип всеобщности человечества». Поэтому единственно правильным полагалось «воспитывать интернациональное, человеческое». Стирая грань между интернациональным и космополитическим, нарком призывал: «Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара, и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это – иррациональное пристрастие».

Естественно, интернационализм в такой трактовке не мог не вступать в противоречие с понятием государственного и национального патриотизма. «Конечно, идея патриотизма –

идея насквозь лживая», – продолжал Луначарский «просвещать» учителей на Всесоюзном учительском съезде, утверждая, что в проповеди патриотизма были заинтересованы только эксплуататоры, для которых «задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к

“родине”, заставить его любить своих хищников». В конце концов, «что такое, в самом деле, родина при капиталистическом строе, что такое каждая отдельная страна, держава?» – вопрошал он и не преминул подчеркнуть эфемерность и историческую случайность пребывания различных «родин» и «держав» на свете белом: «Очень редко вы найдете такую страну, в которой случайно граница ее совпадает с границами расселения данного народа. В огромном большинстве случаев вы имеете державы, подданные которых в демократической стране прикрыты лживым термином “граждане” – люди различных национальностей». Таким образом, школьные учителя призывались к необходимости воспитывать из своих питомцев граждан – не «лживых», а «настоящих». А насчет патриотизма нарком успокаивающе заверял: «Естественно, что этот патриотизм сейчас разлагается».

Немало способствовавший такому разложению интернационалист Г.Е. Зиновьев в своем вступительном слове на V конгрессе Коминтерна (17 июня 1924 г.) с сожалением отмечал, что произошла ошибка «в оценке темпа» мировой революции, «и там, где надо было считать годами, мы иногда считали месяцами». Ошибка в сроках объясняла, почему «нам предстоит еще завоевать пять шестых земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических республик». Впадать в уныние по случаю запаздывания революции, по Зиновьеву, было величайшим оппортунизмом. Тем не менее через три года пришлось признать неточным и темп, «рассчитанный» Зиновьевым. В 1927 году в призывах к годовщине революции под 13-м номером значилось: «Да здравствует мировой Октябрь, который превратит весь мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик!» А о сроках можно было узнать следующее: «Первые десять лет международной пролетарской революции подвели капиталистический мир к могиле. Второе десятилетие его похоронит».

Конечно, не 13-е число тому виной (хотя свою дурную славу оно на сей раз полностью подтвердило), но и новый прогноз через 10 лет оправдался с точностью до наоборот. Однако энтузиасты от мечты своей не отступались. В связи с празднованием 20-й годовщины Октября по инициативе М. Горького готовился пятитомный труд, призванный показать достижения социалистического строительства. Заключительный том предполагалось назвать «Взгляд в будущее» и включить в него «научно обоснованные фантазии». В 1936 году состоялось несколько заседаний авторского коллектива, в ходе которых известнейшие ученые, деятели культуры и искусства, хозяйственники пытались описать, что ждет в ближайшем будущем Европу и мир в целом. При этом писатель В.М. Киршон затеял целую дискуссию на тему: «Весь мир через 15—20 лет будет социалистическим или только одна Европа?» Грядущая победа коммунизма по-прежнему мыслилась как Всемирный СССР. Об этом пели повсюду: «Два класса столкнулись в смертельном бою, / Наш лозунг – Всемирный Советский Союз. / Наш лозунг – Всемирный / Советский Союз». Что же касается официальных трактовок этого вопроса, то к середине 1930-х годов они стали звучать куда как сдержаннее.

Как представляется, отношение к мировой революции, утвердившееся в сталинском штабе, довольно точно отражают фальшивые постановления ЦК ВКП(б), запущенные советскими спецслужбами в целях дезинформации потенциальных военных противников. В одном из них, якобы от 24 мая 1934 года, значилось, что «ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страною». В частности, партия и правительство должны были «считаться с вынужденной необходимостью отсрочки мирового торжества коммунизма и своевременно провести нелегкий маневр отступления внутри страны для усиления своей

сопротивляемости вероятному внешнему натиску». С учетом ситуации в стране и мире, как «категорически» заявлялось в другом «постановлении» (от 15 августа 1934 г.), мировая революция «может быть достигнута лишь при наличии мощного коммунистического государства, цитадели большевизма и неиссякаемого резервуара коммунистического энтузиазма и кадров революции» (Б.И. Николаевский). На укреплении цитадели, а вовсе не на раздувании мирового пожара, на горе всем буржуям, и решено было тогда сосредоточиться. Тем самым изготовители «постановлений» рассчитывали внести успокоение и в среду мировой буржуазии.

История переоценки темпов мировой революции лидерами большевиков заставила забежать несколько вперед. Возвращаясь в 1920-е годы, следовало бы отметить роль официозных историков-марксистов в освещении национальной истории своей страны.

Как пытались предать смерти и забвению историю дореволюционной России

Наибольшим влиянием в 1920-е годы обладала школа академика М.Н. Покровского. Историки этой школы в полном соответствии с установками Коминтерна и общими устремлениями тех лет игнорировали даже ленинское указание о наличии двух патриотизмов в русской истории (соответствующих ленинским «двум нациям в каждой современной нации»), полагали, что патриотизм не бывает никаким иным кроме как казенным и квасным, и не иначе как национализмом и шовинизмом.

Покровский, бессменно командовавший историческим фронтом большевиков в течение пятнадцати пореволюционных лет, еще при жизни завоевал себе известность более громкую, чем у литературного персонажа, распорядившегося «закрыть Америку». В 1922—1923 годы во многом благодаря его усилиям была закрыта для изучения в государственной общеобразовательной школе русская история. Предварительно историк-революционер «обосновал» своими разоблачительными учеными трудами необходимость этой меры. Потому, дескать, что отечественная история шла не тем путем, каким ей следовало идти, что включение нерусских народов в русло единой государственности было абсолютным злом, и по другим, – столь же революционным, сколько и абсурдным основаниям. В школе ставились под сомнение и отрицались сами понятия «Россия», «патриотизм», «русская история».

Никакого иного понятия кроме как «тюрьма народов» для многонациональной дореволюционной России в школе не предлагалось. Название «Россия», по Покровскому, по-настоящему надо писать в кавычках, «ибо «Российская империя» вовсе не была национальным русским государством. Это было собрание нескольких десятков народов… объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещичьей верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия». Естественно, никаких общенациональных патриотических чувств к такому отечеству-тюрьме, по логике историка, быть не могло. Патриотизм, утверждал он, это болезнь, которой могут страдать только мелкие буржуа, мещане. Ни капиталисты, ни тем более пролетарии ей не подвержены. В статье, написанной к десятилетию Октября, Покровский утверждал, что в СССР этой болезнью «вместо миллионов, как это было в Западной Европе, вместо сотен тысяч, как это было у нас в начале 1917 года, хворают только единицы». В 1918 году при заключении Брестского мира российский пролетариат, по Покровскому, якобы продемонстрировал полное отсутствие патриотизма, никак не прореагировав на потерю якобы Россией восемнадцати якобы русских губерний. «Пролетариат, – писал он, – не стал проливать свою кровь для защиты географического отечества, на самом деле являвшегося результатом освященных древностью феодальных захватов. Он громко и внятно сказал всем, что защита его классовых интересов, защита завоеваний революции для него важнее всякой националистической географии». Тем самым пролетариат

якобы навсегда покончил с патриотизмом – «одним из китов мелкобуржуазного миросозерцания». Признавая, что наибольшая угроза большевикам может исходить лишь из лагеря патриотов, Покровский успокаивал власти имущие. Вновь-де восстановить иллюзии «националистического отечества – это задача материально неосуществимая», мелкобуржуазные настроения такого рода могут сплотить лишь совершенно ничтожные кучки, не представляющие уже серьезной опасности для революции. С «кучками» этими, как увидим дальше, власти вели борьбу в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

В таком же духе, несколько выправляя левизну Покровского, о патриотизме писала в начале 1930-х годов Малая советская энциклопедия, рассчитанная на самое широкое внимание советских людей. В статье о патриотизме, помещенной в шестом томе МСЭ, отвергалось понимание этого феномена феодальными и буржуазными историками как «природного чувства, присущего чуть ли не всякому животному» (видимо, отсюда и нынешнее уничижение: «Патриотизм – чувство биологическое, оно присуще даже кошке»), ибо привязанность животного к определенному месту продолжается только до тех пор, пока оно дает ему средства к существованию. В человеческом обществе патриотизм обнаруживался лишь у господствующих классов, трудящиеся этого чувства были лишены: «Пролетариат никогда не имел в буржуазном государстве своего отечества, так же как не имели его рабы и крепостные в государственных образованиях древности и средневековья». В переходный период к социализму пролетариат обретает свое отечество, бывшие эксплуататорские классы его утрачивают. Однако территориальные границы отечества при этом якобы ничего не значат: «Пролетариат не знает территориальных границ… он знает социальные границы. Поэтому всякая страна, совершающая социалистическую революцию, входит в СССР». Так продолжается до тех пор, пока отечеством трудящихся не станет весь мир.

Исторические традиции советского патриотизма при такой его трактовке велись в подавляющем большинстве случаев не ранее чем с 1917 года. Преемственность в истории народов таким образом разрывалась. История России представлялась чередой бунтов, восстаний, стачек и революций. Цари изображались кровопийцами, дворяне – изуверами и насильниками, купцы и промышленники – мироедами и эксплуататорами трудового народа, все духовные лица – мракобесами, пьяницами и развратниками. Никаких героев в отечественной истории при таком понимании патриотизма быть не могло. Считалось, что время героического понимания истории безвозвратно ушло. У всех героев (начиная с былинных богатырей) и творцов культуры прошлого всегда находили одни и те же изъяны: они или представляли эксплуататорские классы, или служили им. Старая Россия со всей ее многовековой историей приговаривалась революцией к смерти и забвению. В августе 1925 года в «Правде» был помещен даже оскорбительно-издевательский стихотворный «некролог» В. Александровского по поводу ее мнимой гибели. «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? / Что же! Вечная память тебе. / Не жила ты, а только охала / В полутемной и тесной избе».

Позднее дело дошло до того, что конференция историков-марксистов «установила» в январе 1929 года полную неприемлемость термина «русская история», из-за того, что этот старый, унаследованный от царской России термин был будто бы насыщен великодержавным шовинизмом, прикрывал и оправдывал политику колониального угнетения и насилия над нерусскими народами. Согласно Покровскому, «термин “русская история” есть контрреволюционный термин одного издания с трехцветным флагом». Утверждалось, что русские великодержавно-шовинистические историки напрасно лили слезы по поводу так называемого татарского ига. Перевод «ига» с «националистического языка на язык материалистического понимания истории» превращало его в рядовое событие феодальной эпохи. Устанавливалось далее, что, начиная с XVI века царская Россия «все более и более превращается в тюрьму народов», освобождение из которой свершилось в 1917 году. Термин «великорусская народность» академик Покровский в своих работах заключал в кавычки, подчеркивая тем

самым, что народности как таковой давно уже не было. В данном случае это была, видимо, попытка перевода националистического термина на язык безнационального будущего.

Историки школы Покровского упраздняли определение «отечественная» из названия войны 1812 года. «Отечественная» война, писала М.В. Нечкина в начале 1930-х годов, это «русское националистическое название войны». В переводе с «националистического» в данном случае оказывалось, что никакого нашествия Наполеона на Россию не было – «войну затеяли русские помещики». Поражение французской армии объявлялось случайностью, и с сожалением отмечалось, что «грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила возможности того времени».

Никакого подъема патриотического духа в России, естественно, не обнаруживалось, просто «вооруженные чем попало крестьяне» защищали от французов свое имущество. Победа в войне, по Нечкиной, «явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции». К этому оставалось разве что добавить мнение «прогрессивного» буржуазного автора К.А. Военского о том, что «эта война как бы включала Россию в единый поток европейской жизни. Победа же над Наполеоном принесла лишь задержку естественного падения крепостного права, за которое боролись передовые русские круги». При таком изображении русской истории герои «грозы 12-го года» (М.И. Кутузов, П.И. Багратион, атаман М.И. Платов), как и подлинные патриоты – участники других войн (генерал М.Д. Скобелев, адмирал П.С. Нахимов), не должны были заслуживать у «настоящих советских патриотов» доброй памяти. Ну а о гордости за принадлежность вместе с ними к одной и той же нации не могло быть и речи. Из «двух наций в одной нации» эти герои принадлежали как раз к той, которая подлежала уничтожению и забвению.

Для достижения этой цели в 1920-е годы и в начале 1930-х было, к сожалению, сделано немало. В фундамент для компрессоров превращены могилы героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби. Останки организатора и героя национально-освободительной борьбы русского народа Кузьмы Минина взорваны вместе с храмом в нижегородском кремле, а на том месте сооружено здание обкома партии. Мрамор надгробия с места захоронения другого народного героя, князя Дмитрия Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале пошел на фонтан одной из дач. Сам этот монастырь, как и многие другие, был превращен вначале в тюрьму, потом в колонию для малолетних преступников. Поэт Иван Молчанов радостно оповещал читателей: «Устои твои / Оказались шаткими, / Святая Москва / Сорока-сороков! / Ивану кремлевскому / Дали по шапке мы, / А пушку используем для тракторов!» И это были не только слова. 25 апреля 1932 года в Наркомпросе постановили передать «Металлому» памятник Н.Н. Раевскому на Бородинском поле ввиду того, что он «не имеет историко-художественного значения». В Ленинграде была перелита на металл Колонна Славы, сложенная из 140 стволов трофейных пушек, установленная в честь победы под Плевной в русско-турецкой войне. Стену монастыря, возведенного на Бородинском поле, на месте гибели героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А.А. Тучкова, «украшала» (т. е. оскверняла) огромных размеров надпись: «Довольно хранить остатки рабского прошлого».

Колоссальный ущерб памятникам архитектуры был нанесен в результате антирелигиозного призыва: «Сметем с советских площадей очаги религиозной заразы». Одним из первых разрушенных памятников культовой архитектуры была часовня Александра Невского, построенная в центре Москвы в 1883 году в память воинов, погибших в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. К концу открытой войны пролетарского государства с Православной церковью в России из 80 тысяч православных храмов сохранились лишь 19 тысяч. Из них 13 тысяч были заняты промышленными предприятиями, служили складскими помещениями. В остальных размещались различные учреждения, в основном клубы. Только в 3000 из них сохранилось культовое оборудование, и лишь в 700 велась служба. В Москов-

ском Кремле разрушили мужской Чудов и стоявший рядом женский Вознесенский монастыри. Был взорван Храм Христа Спасителя, построенный в Москве в 1837—1883 годах как храм-памятник, посвященный Отечественной войне 1812 года. Не щадились и светские постройки. Были снесены такие шедевры русской архитектуры, как Сухарева башня, «сестра Ивана Великого», Красные ворота, стены и башни Китай-города. В 1936 году была разобрана Триумфальная арка на площади Тверской заставы в Москве, сооруженная в честь победы в Отечественной войне 1812 года.

Защитников шедевров нередко называли классовыми врагами. Академику А.В. Щусеву, обратившемуся к руководству Москвы с письмом о нецелесообразности сноса памятников, был дан публичный ответ: «Москва не музей старины, не город туристов, не Венеция и не Помпея. Москва не кладбище былой цивилизации, а колыбель подрастающей новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании».

Борьба с прошлым и титанические усилия по переустройству страны и общества освящались «благой» целью – «обогнать» в историческом развитии, как писал известный журналист М.Е. Кольцов, «грязную, вонючую старуху с седыми космами, дореволюционную Россию». О России и русских в печати того периода можно было прочитать: «Россия всегда была страной классического идиотизма»; завоевание Средней Азии осуществлялось с «истинно русской подлостью»; Севастополь – «русское разбойничье гнездо на Черном море»; Крымская республика – «должное возмещение за все обиды, за долгую насильническую и колонизаторскую политику царского режима».

Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (1879) предвосхитил некоторые из отмеченных выше «достижений» историков школы Покровского и других прогрессивных, по меркам 1920-х годов, ученых и публицистов в нескольких фразах своего литературного персонажа, которые позволяют распознавать всякие, в том числе и «ученые» разновидности смердяковщины: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна!»; «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с»; «Русский народ надо пороть-с…»

Бичевание старой России и «обломовщины» как родовой русской черты

Страстным обличителем старой России до конца своих дней оставался Н.И. Бухарин. Символом императорской России, по его мнению, следовало бы считать не столько официального двуглавого орла, сколько кнут и нагайку. Царствовали в России, в его изображении, не иначе как дикие помещики, «благородное» дворянство, идеологи крепостного права, бездарные генералы, сиятельные бюрократы, вороватые банкиры и биржевики, пронырливые заводчики и фабриканты, хитрые и ленивые купцы, «владыки» черной и белой церкви, патриархи и архиепископы черносотенного духовенства. Правила «династия Романовых с ее убогим главой, с ее великими князьями – казнокрадами, с ее придворными аферистами, хиромантами, гадальщиками, Распутиными; с ее иконами, крестиками, сенатами, синодами, земскими начальниками, городовыми и палачами» (Известия. 1935. 28 января). Люди труда, по Бухарину, если и выступали, то «лишь как предмет издевательства у одних, предмет жалости и филантропии – у других. Почти никогда они не были активными творцами, кующими свою собственную судьбу»; «рабочий человек, пролетарий и крестьянин-труженик был забит и загнан». Народы, присоединенные к России, делились Бухариным на два разряда – на народы, вроде грузинского, «со старинными культурными традициями, которые не сумел разрушить царизм», и народы, вроде центральноазиатских, что «были отброшены

царизмом на сотни лет назад». Бухарин утверждал, что патриотом такой России мог быть и являлся только «обскурант, защитник охранки, помещичьего кнутобойства, отсталой азиатчины, царской опричнины, жандармского режима, угнетения сотен миллионов рабов». Традицией, единственно достойной демократических кругов, могла быть лишь традиция ненависти к царскому «отечеству», «квасному патриотизму», патриотичным «искариотовым», а также идея пораженчества.

Образами, с которыми у Н.И. Бухарина чаще всего ассоциировалась Россия и русские люди до 1917 года, были Обломов и обломовщина. Нельзя сказать, что Бухарин был в этом оригинален. Он в любой момент мог сослаться на Ленина, который, к примеру, в своей речи на съезде металлистов 6 марта 1922 года утверждал: «Был такой тип русской жизни – Обломов… Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть… как мы работаем… чтобы сказать, что *старый Обломов остался и его надо долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел»*. Луначарский прочитал в мае 1928 года лекцию «Воспитание нового человека». Ссылаясь на Ленина и другие авторитеты, нарком просвещения заявил, что «обломовщина является нашей национальной чертой». Слушателям и читателям внушалось: порок этот существует у нас «потому, что мы не совсем “европейцы” и очень, очень мало “американцы”, но в значительной степени – азиаты. Это, так сказать, дань нашему евроазиатству». Российскому человеку, по словам Луначарского, предстояло пройти еще порядочную полосу времени, чтобы добрести до человека западного типа, умеющего работать «в пять-шесть раз скорее, ладнее, умнее». Нарком в очередной раз провозгласил тогда: «Мы не нуждаемся ни в каком патриотизме», ибо обрести достойное будущее возможно только в грядущей мировой организации, создающейся благодаря особым качествам пролетария, который «не чувствует себя гражданином определенной страны… является интернационалистом».

В 1930-е годы Н.И. Бухарин пытался придать бичеванию обломовщины и азиатчины еще более широкое общественное звучание. Выступая на XVII съезде партии, он говорил: «Не так давно наша страна слыла страной Обломовых, страной азиатских рабских темпов труда». Годовщина Сталинградского тракторного завода и гимн, созданный Бухариным в честь машины, несущей смерть «идиотизму деревенской жизни», одновременно стали поводом лишний раз изобразить убожество дореволюционной российской деревни, которая «не многим отличалась от чисто азиатской», выступавшей у автора, видимо, неким эталоном отсталости. Варварской сохе, застойной экономике, хозяйственному оскудению, полукрепостническому строю, писал он, соответствовали рабские темпы труда, медленные ритмы жизни, низкая производительность, безграмотность и нищета, культурная убогость; весь «*круговорот* жизни – вялый, медленный, тупой. Работа на сохе из-под палки – на одном полюсе; ленивые, безынициативные, безвольные паразиты обломовского пошиба на другом (это в лучшем случае)». Нужны были именно большевики, писал он, чтобы «из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать “ударную бригаду мирового пролетариата”!». Подчеркивая ограниченность кругозора русской народной массы, Бухарин представлял ее как «широкозадую бабу, которая раньше дальше своей околицы ничего не знала», обзывал историческую Россию «дурацкой страной». Последователи Бухарина и позже зачастую писали о России дореволюционной и 1920-х годов с позиций некоего сверхчеловека: тогда-де «еще доживала свой век старая крестьянская Россия», которую населяли и не люди вовсе, а всего лишь «эмбрионы», и только в результате известного «великого перелома» эти эмбрионы людей постепенно становились людьми.

После обозначившегося в середине 1930-х годов противостояния Союза ССР и фашистской Германии Н.И. Бухарин не сомневался, что в результате победы над фашиз-

мом «засияет красная звезда по всей земле», и прошлое как эпоха «цивилизованного варварства» навсегда канет в черную реку времени. 12 июня 1937 года эта идея была выражена им в подобии стихов: «Войне фашистской, зверски-черной / Навстречу будет двинут бой картечи. / Конец их ждет смертельный и позорный, / Венки победы лягут на рабочих плечи. / И черно-золотых богов затменье / В последнем историческом бою / Ознаменует человечества рожденье, / Объединенного в одну семью». Вплоть до этого момента Бухарин, видимо, считал за благо изображать прошлое своей собственной страны как можно непригляднее, надеясь, что таким образом можно легче увлечь массы на борьбу за построение мировой общины коммунизма, в которой, как он писал, общественное богатство и изобилие покроют гигантски возросшие и изменившиеся до неузнаваемости потребности, возникнет один язык и «миллиарды человечества до конца объединятся в исполинском океане общей коллективной жизни; где возросшая личность перестанет быть номером и счетной единицей и, обогащенная всей жизнью гигантского человечества, будет в состоянии развивать заложенные в ней возможности». Действительно, в свете подобным образом нарисованного и чаемого будущего и прошлое России, и патриотизм старого образца подлежали лишь охаиванию, немедленному преобразованию и забвению.

Такое видение русской истории и ее героев с предельной откровенностью воплощено Джеком Алтаузеном в его «Вступлении к поэме», опубликованной в журнале «30 дней» (1930. № 8). Сетуя, что на памятник Н.А. Некрасову «бронзу не дает Оргметалл», его собрат, проводивший в жизнь лозунг «одемьянивания» советской поэзии, проблему решал запросто: «Я предлагаю / Минина расплавить, / Пожарского. / Зачем им пьедестал? / Довольно нам / Двух лавочников славить – / Их за прилавками / Октябрь застал. / Случайно им / Мы не свернули шею. / Я знаю, это было бы под стать. / Подумаешь, / Они спасли Рассею! / А может, лучше было б не спасать?»

Революционаризм и русофобия

Вряд ли стоит усматривать в «шедевре» Алтаузена и подобных ему особый умысел, только лишь злобную русофобию и намерение лишний раз вылить ушат помоев на отечественную историю. Чаще всего они порождались самой атмосферой нетерпения, ожидания мировой революции и сопутствующим ультраинтернационализмом, сохранявшимся в определенных кругах советского общества еще очень и очень долго и после 1929 года. В этой связи процитированные строчки комсомольского поэта, погибшего на фронте в 1942 году, представляются нам столь же искренними, как и те, что вылились из-под пера поэта Павла Когана (погиб на войне в том же году), и которые в определенном отношении вполне можно рассматривать в качестве продолжения только что процитированных: «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя».

Очевидно, застарелым революционаризмом было продиктовано воздыхание Петра Шахова – главного героя нашумевшей довоенной киноэпопеи Ф.М. Эрмлера «Великий гражданин», вышедшей на экраны в 1938 году. Прототипом этого героя является сам С.М. Киров. В фильме есть эпизод совещания ударников, на котором Шахов произносит речь: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз – республик этак из тридцати-сорока. Черт его знает, как хорошо!».

Многие реальные и влиятельнейшие герои политического театра предвоенных лет не только сохраняли, но и открыто демонстрировали свою глубокую веру в грядущее торжество мировой революции. К примеру, Н.И. Бирюков, член Военного Совета 2-й отдельной Краснознаменной армии, говорил с трибуны XVIII партийного съезда: «И пусть не удивляются империалистические хищники на Востоке и Западе, если в час решительных боев с загнивающим капитализмом наши силы, силы пролетарской революции, вооруженные силы

Советского Союза, на Востоке и Западе – везде будут встречены как силы освобождения человечества от капиталистического рабства и фашистского мракобесия. Тылы капиталистических армий будут гореть. Сотни тысяч и миллионы трудящихся поднимутся против своих поработителей. Капиталистический мир беременен социалистической революцией». Л.З. Мехлис на том же съезде разъяснял, что задачу, поставленную Сталиным на случай войны, надо понимать так: «Перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик». М.И. Калинин подчеркивал, что «мы, большевики, народ скромный, не захватнический. Но все-таки мы думаем своими идеями завоевать весь мир и даже… раздвинуть вселенную» (Известия. 1939. 10 июня). Все это вполне согласовывалось с резолюцией XVII съезда партии, в которой утверждалось: «Выполнение второй пятилетки еще больше усилит значение СССР как оплота борьбы международного пролетариата, еще выше поднимет в глазах трудящихся эксплуатируемых масс всего мира авторитет Страны Советов как опорной базы мировой пролетарской революции».

Приближение Второй мировой войны породило в СССР новый всплеск надежд на мировую революцию. Уже в 1939 году «Правда» писала о будущей войне с участием СССР как о «действительно отечественной», «самой справедливой и законной», «за освобождение человечества от фашизма», как о войне, в которой сбудется предсказание Ленина: «Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

Воссоединение с СССР в 1940 году значительных территорий бывшей России с населением около 23 млн. человек воспринималось как подтверждение ленинского пророчества. Участники заседания VII сессии Верховного Совета СССР, принимавшей в состав СССР четыре новые республики, поведали читателям «Правды» о видениях, рождаемых словами гимна «и если гром великий грянет».

Летчику-герою Г.Ф. Байдукову представлялись «бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, мосты, склады и позиции противника; штурмовики, атакующие ливнем огня колонны войск… десантные корабли, высаживающие свои дивизии в глубине расположения противника…» Недавняя война с Финляндией? – «Каждая такая война приближает нас к тому счастливому периоду, когда уже не будет этих страшных убийств среди людей». Зато «сколько еще услышит этот Кремлевский дворец новых горячих слов больших и малых народов, жаждущих света!.. Какое счастье и радость победы будут выражать взоры тех, кто примет последнюю республику в братство народов всего мира!» (Правда. 1940. 18 августа).

Еще один участник заседания, писательница Ванда Василевская, живописуя восторг по поводу того, как страна в ореоле славы, в величии мощи, в счастье мира и братства расширяет свои пределы, создает картину прямо-таки фантасмагорическую: «Дрожат устои света, почва ускользает из-под ног людей и народов. Пылают зарева, и грохот орудий сотрясает моря и материки. Словно пух на ветру, разлетаются державы и государства… Как это великолепно, как дивно прекрасно, что весь мир сотрясается в своих основах, когда гибнут могущества и падают величия, – она [Родина] растет, крепнет, шагает вперед, сияет всему миру зарей надежды» (Правда. 1940. 4 августа).

1 января 1941 года «Правда» отметила наступление нового года материалами весьма красноречивого содержания. Поэт Семен Кирсанов мечтал о том, чтобы превратить «уран, растормошенный циклотроном», в простое топливо. «А может быть, – добавлял он, – к шестнадцати гербам еще гербы прибавятся другие». Михаил Кульчицкий в своих стихах, помеченных январем этого же года, выразил не только предчувствие близкой войны и связанную с ней надежду на победу мировой революции («Уже опять к границам сизым / составы тай-

ные идут, / и коммунизм опять так близок, / как в девятнадцатом году»), но и убежденность, что в будущем, после того как человек сшибет чугунные путы с земного шара, освободит его от цепей капитализма, – «только советская нация / будет / и только советской расы люди».

Герой рассказа Леонида Соболева, командир подводной лодки, действующей в Балтийском море, в канун нового 1941 года вдохновлял экипаж речью: «Велика наша родина, товарищи: самому земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная наша советская страна вступила в новый год своих побед. Будет время, когда понадобятся для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый новый год – это ступень к коммунизму, братству народов всего земного шара… И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год, если будем так же верны делу коммунизма, партии нашей и нашему Сталину».

Как известно, следующий год пришлось встречать, уступив гитлеровцам территорию шести союзных республик, но уверенность в торжестве мирового социализма была поколеблена ненадолго. В апреле 1945 года Сталин в разговоре с И. Броз Тито и М. Джиласом изложил свою изменившуюся точку зрения по сей проблеме. «В этой войне, – заметил он, – не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». И если в результате Второй мировой войны Европа не станет целиком социалистической, то это произойдет в третьей, ждать которую придется не так уж долго. Когда кто-то из собеседников высказал мысль, что «немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет», Сталин поправил: «Нет… лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах… Через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем – снова!»

Основу послевоенной сталинской политики составляла все та же идея расширения и углубления социалистической революции путем вовлечения в орбиту революционного движения все большего числа государств и народов. По свидетельству В.М. Молотова, Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вывела одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а третья навсегда покончит с империализмом». В сущности, это была троцкистская теория «перманентной революции», растянутая во времени и осуществляемая с помощью и при активной поддержке страны «победившего социализма». Такую вот трансформацию претерпела к концу Отечественной войны вера в торжество мировой революции. Заложником этой утопичной идеи стал русский народ и Союз ССР с его неисчерпаемыми, как представлялось Сталину, человеческими и материальными ресурсами.

Прикрывая политику неуклонного расширения рамок своей социальной системы миротворческими лозунгами и указаниями на необходимость последовательно проводить в жизнь идеи пролетарского интернационализма, руководители СССР во всеуслышание провозглашали «незыблемую уверенность» в победе социализма и демократии во всем мире. Г.М. Маленков, например, в докладе о годовщине Октябрьской революции заявил 6 ноября 1949 года, что «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны». Если они развяжут третью мировую войну, то «эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма». Однако об известном с 1925 года «алгоритме» Сталина насчет того, что «ежели нападут на нашу страну, мы не будем сидеть сложа руки… мы примем все меры к тому, чтобы взнуздать революционного льва во всех странах мира», при этом не вспоминали. Главным инструментом мировой революции к этому времени представлялись не столько интернациональные усилия революционных масс, сколько вооруженные силы «отечества мирового пролетариата». В уставе Красной Армии имелся пункт, в котором говорилось, что «Красная Армия – армия мирового пролетариата, и ее цель – борьба за мировую революцию». Устремленность к социалистическому миро-

державию, сохранявшаяся и в условиях победы социализма в одной стране, сформировала своеобразный эсэсэсэровский и отнюдь не русский, как порой утверждается, наступательный национализм.

Между тем что касается собственно России, то в официозной исторической науке вплоть до начала 1930-х годов укреплялось основание для национального нигилизма и нигилистического прочтения ее дореволюционной истории. Русская историческая литература XIX века, как и русская классическая литература, подвергалась шельмованию на том основании, что была якобы насквозь великодержавна. Главным националистом изображался выдающийся русский историк В.О. Ключевский. К стоявшим на великодержавно-буржуазных националистических позициях причислялись крупнейшие дореволюционные историки – С.М. Соловьев и Б.Н. Чичерин, а из современников – В.В. Бартольд, В.И. Пичета, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, П.Г. Любомиров и другие. В зоологическом национализме обвинялись академики С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин и прочие историки, осужденные по так называемому «делу Академии наук» (1929—1931).

Историки – «зоологические националисты»?

«Дело Академии наук» современники называли по-разному: «дело Платонова», «монархический заговор», «дело Платонова – Тарле», «дело Платонова – Богословского», «дело четырех академиков» (Платонова – Тарле – Лихачева – Любавского). Называлось оно и «делом историков», поскольку из 150 осужденных две трети составляли историки дореволюционной школы, музееведы, архивисты, краеведы, этнографы. «Дело» знаменовало собой один из наиболее острых этапов борьбы историков-марксистов с буржуазной школой историков и одновременно – укрощение большевиками строптивой Академии наук, в составе действительных членов которой вплоть до конца 1920-х годов не было ни одного коммуниста.

При подведении в 1931 году итогов этой борьбы «против явных и скрытых врагов пролетарской диктатуры и идеологии» наиболее крупные плоды (как считали сами историки-марксисты) принесла «борьба с противниками национальной политики Советской власти, с представителями великодержавного и национального шовинизма (разоблачение Яворского, буржуазных великорусских историков и прочих)», а также «разоблачение антантофильских и интервенционистских историков (Тарле, Платонова и других)». И, надо сказать, основания для этого были налицо. Объединенные усилия следователей от науки и от политической полиции привели к серии приговоров, вынесенных по «делу» русских историков. Значительная часть подследственных была осуждена на срок от 3 до 10 лет, «участники» военной секции заговора расстреляны (В.Ф. Пузинский, А.С. Путилов, заведовавший ранее Архивом АН СССР, и другие).

15 главных участников «монархического заговора», в том числе и Платонов, по постановлению коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года получили по пять лет ссылки. В относительно мягких наказаниях, по-видимому, сказался намечавшийся поворот в ситуации с изучением отечественной истории. Тем не менее ущерб, нанесенный «заговором» исторической науке, был огромен. В ссылке скончались С.Ф. Платонов (1933), Д.Н. Егоров (1931). С.В. Рождественский (1934), М.К. Любавский (1936). В 1936 году вскоре после возвращения из ссылки умер Н.П. Лихачев. Так или иначе, большинство представителей русской исторической мысли к началу 1930-х годов были насильственно отстранены от своих занятий из-за их якобы великорусского шовинизма, а значит, и контрреволюционности. Из всех осужденных по «делу» историков к активной научной деятельности удалось вернуться немногим (А.И. Андреев, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Б.А. Романов, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и другие). В Библиотеке Академии наук, Археографической комиссии крупных специалистов

практически не оставалось. Из старой профессуры уцелел лишь Б.Д. Греков, которого тоже арестовывали в 1930 году.

Среди осужденных по «делу» Платонова был известный ленинградский историк и краевед Н.П. Анциферов, описавший в своих воспоминаниях «Из дум о былом» (1992) случай, расцененный в духе тех лет как преступный национализм. Профессор МГУ Бахрушин, выступая на Всероссийском краеведческом съезде в 1927 году, призывал собирать сведения и вещи о современном быте разных национальностей СССР. На его выступление живо откликнулись представители разных народов. Среди них оказался и профессор Саратовского университета С.Н. Чернов, заметивший, что при этом не следует забывать «еще одну национальность, русскую. Нужно предоставить и ей право также позаботиться о фиксировании исчезающих явлений быта, а также уходящих из употребления вещей. Почему слово “русский” почти изгнано теперь из употребления?» Это выступление вызвало резкие протесты различных националов, обвинивших Чернова в «великодержавной вылазке». Анциферов выступил в поддержку Чернова, пояснив, что «речь идет не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей старине, как это признано за другими нациями». Он призвал быть верным завету Владимира Соловьева: «Люби чужую национальность, как свою собственную». И этого было достаточно, чтобы усугубить вину «преступников».

Действительно, само слово «русский» в определенных кругах советского общества до начала 1930-х годов зачастую ассоциировалось с понятием «великодержавный». Например, в статье, открывающей первый выпуск журнала «Советская этнография», который начал выходить в СССР с 1931 года вместо издававшегося до тех пор журнала под названием просто «Этнография», было предложено выбросить слово «русский» из названия известного ленинградского музея. Автор этой статьи – ответственный редактор журнала, известный специалист по истории народных верований и мировых религий, репрессированный в 1936 году как бывший личный секретарь Г.Е. Зиновьева, Н.М. Маторин вопрошал: «Разве один из крупнейших ленинградских музеев, в составе которого имеется богатый этнографический отдел, не носит до сих пор титул *великодержавной* эпохи – “Русского” музея, на что обращал внимание уже ряд национальных советских работников» (Советская этнография. 1931. № 1—2). Вплоть до середины 1930-х годов оставались непривычным словосочетание «русская советская живопись». Слова «русские» избегали, заменяя его эпитетами «московские», «наши», «современные», или еще более осторожно – «художники РСФСР». Причины такой национальной «стыдливости» были порождены внушениями критиков, много лет подряд третировавших традиции русского реалистического искусства за его якобы провинциальность и реакционно-националистическую сущность.

Положение с изучением русской истории стало изменяться к лучшему лишь с избавлением от диктата школы Покровского. Это происходило уже после его смерти, последовавшей 10 апреля 1932 года. Однако еще 21 февраля 1933 года нарком А.С. Бубнов подписал специальное постановление коллегии Наркомпроса РСФСР, утверждающее в качестве стабильного учебника по русской истории для средней школы известную книгу М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Эта книга, впервые опубликованная в 1920 году, была выпущена в 1932 году уже десятым основным изданием. Всего таких изданий вышло в свет более 90. По своей распространенности она до сих пор превосходит другие книги по отечественной истории. Выпускники средней школы и в 1933—1934 годах все еще должны были усваивать из учебника Покровского, к примеру, что всякий осмеливающийся оспаривать мнение о варягах как первых государях Руси, делает это не иначе, как «из соображений патриотических, т. е. националистических».

Первые признаки поворота к традиционному пониманию Родины и патриотизма

Ниспровержение школы воинствующих борцов с великорусским национализмом и противников «объективно-научной» деятельности старых историографических школ заняло значительную часть 1930-х годов. Вехами на этом пути стал целый ряд партийных и правительственных решений. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года история была восстановлена в правах самостоятельного учебного предмета.

Первые зримые признаки осознания руководителями социалистической России нелепости «отмены» своей дореволюционной истории проявились на рубеже 1930-х годов. В год пятидесятилетия Сталина и его окончательного утверждения наверху властной пирамиды (1929) стало известно, что он проявляет особый интерес к личности и эпохе Петра Великого, находя их весьма подходящими для проведения исторических параллелей с современностью и для дополнительных (неклассовых) обоснований необходимости собственных жестких методов и стремительных темпов преобразования страны. Сталинского интереса стало достаточно для того, чтобы уже тогда исключить Петра из длинного ряда российских императоров, которым были приданы все существующие в этом мире человеческие пороки и недостатки. М.Н. Покровский, к примеру, в своем сжатом очерке русской истории поведал о Петре и его семейке кратко, но выразительно: своего сына Алексея он лично пытал, а потом велел тайно казнить, умер Петр от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену, скончавшуюся то ли от этой же дурной болезни, то ли от алкоголизма; сменивший ее на престоле внук Петра умер пятнадцати лет, не успев поэтому совершить ни одного преступления. Сталин же, по-видимому, полагал, что карикатурная тенденциозность – не самый лучший стиль в освещении истории. У Петра были и положительные качества, и бесспорные заслуги в деле организации России как современного государства. Его эпоха созвучна эпохе первых пятилеток. И вскоре все это советские люди могли узнать и почувствовать, знакомясь с серией талантливых историко-литературных произведений о Петре I, написанных Алексеем Толстым. Такой была одна из форм возврата советским людям дореволюционной и якобы «классово чуждой» пролетариату отечественной истории.

Попытки дискредитировать роман А.Н. Толстого, предпринятые в ходе специальной дискуссии (материалы опубликованы в журнале «Октябрь». 1934. № 7), успехом не увенчались. Историк Г.С. Фридлянд, первый декан созданного в 1934 году исторического факультета Московского университета, находил роман «Петр Первый» неприемлемым из-за гипертрофии идеи государственности, возведенной в принцип, «который мы, ведущие борьбу за отмирание государства и на путях к этому отмиранию укрепляющие государство пролетарской диктатуры, принять не можем». Известный троцкистский теоретик В.А. Ваганян обосновывал неприемлемость самого жанра исторического романа. «Если национальное прошлое, – рассуждал он, – для нас не является объектом идеализации, если национальное расщеплено на классовое – исторического романа, конечно, в прежнем смысле слова нет и не может быть». Национальная идея как таковая, по Ваганяну, это «агрессивная идея буржуазии». Соответственно, исторический роман – «проявление стремительной агрессии национальной идеи к захвату сознания наиширокихмасс». Исторические романы решали простую задачу – они утверждали, что «моя страна есть лучшая страна в мире, мой народ – лучший народ в мире и моя история – лучшая история в мире». Поскольку идеализация национального прошлого советскому обществу не нужна, то и исторические романы не нужны. Полезными могут быть лишь «романы на исторические темы», которые, по логике Ваганяна, должны были воспитывать неприятие этого прошлого.

В конце 1930 года ЦК партии и лично Сталин нашли нужным урезонить знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного, усмотрев в его стихотворных фельетонах «Слезай с печки», «Перерва» и «Без пощады» не только «умелую и необходимую» критику недостатков жизни и быта в СССР, но и достойные осуждения ошибки. Первый из этих фельетонов был напечатан 7 сентября 1930 года в газете «Правда». Стремясь заклеймить присущие некоторой части трудящихся черты косности и разгильдяйства, поэт явно сгущал краски, временами опускался до грубости и вульгарности. Общеизвестный порок – лень – представал в фельетоне не иначе как «наследие всей дооктябрьской культуры». «Сладкий храп и слюнища возжею с губы. / Идеал русской лени. В нем столько похабства! / Кто сказал, будто “мы не рабы”? / Да у нас еще этого рабства!.. / Кто охотник поспать-похрапеть, как не раб? / Освященный всей рабскою жизнью былого, / *Русский храп* был в чести: не какой-либо храп – / Богатырский! Звучит похвально!» Далее поэт обобщал: «Похвальба пустозвонная / Есть черта наша русски-исконная». В фельетоне высмеивались патриоты, гордившиеся чудесами вроде царь-пушки, которая не стреляет, и царь-колокола, который не звонит: «Носом землю – убогие, темные! – рыли, / А весь свет перекрыли: / Царь-колокол! Вона! / Первый в мире! Одначе, без звона! / Пушка – первая в мире! Царь-пушка! / Одначе, пустая игрушка / Для расейского глазу: / Не стреляла ни разу! / В Кремле по священным углам / Стоял исторический хлам. / Расейская старая горе-культура – / Дура, / Федура. / Страна неоглядно-великая, / Разоренная, рабски-ленивая, дикая, / В хвосте у культурных Америк, Европ. / Гроб!» Поэт предрекал, что дело социализма будет провалено, «если не переделаем нашей гнилой, / Нашей рабской, наследственно-дряблой природы». Фельетон завершался призывом: «Чтоб ушли бедняки из кулацкой уздечки… / – Слезай, деревенщина, с печки!» Призыв был обращен к жителям деревни и к горожанам – недавним выходцам из села, которые якобы и были заражены наследственными российскими пороками в наибольшей степени.

Вскоре в «Правде» (1930. 11 сентября) появился новый фельетон Демьяна, явившийся откликом на столкновение двух пассажирских поездов на полустанке «Перерва» Московско-Курской железной дороги из-за халатности одной из бригад. Фельетон начинался со слов, что это «поэма – сверх-поэтическая / До ужаса патриотическая», но был направлен против наших якобы патриотических ценностей. Бедный объявлял причиной крушения повсеместную, возросшую исторически «на расейском болоте» родовую черту, имя которой – «недобросовестность в каждой работе». Поэту ведомо, как выпрямлять эту будто бы свойственную самой природе русского человека черту. «Добросовестность – это у немцев, / У иноземцев». Именно с них и надо брать пример. «Добросовестный спец-иностранец / Немец, американец / Иль японец… / Должен быть у рабочих в немалой чести». В противном случае участь наша незавидна: «Враги, нашей гибели ждущие гады, / Прочтут о Перерве и будут так рады… / И ждать, будут ждать: за Перервою первой, / Если дальше позорно так дело пойдет, / Наш советский-де строй сам собой пропадет, / Сокрушивши себя *всесоветской Перервой!!»*. Опубликованные «Правдой» стихотворения Д. Бедного «прочитывались» как явно неуважительные по отношению к трудовому русскому человеку.

5 декабря 1930 года «Правда» представила своим читателям новый опус Демьяна с устрашающим названием «Без пощады». В этом фельетоне высмеивается патриотизм прошлых времен – «от Гомера и философа Платона до историка Карамзина и от историка Карамзина до вредителя Рамзина». Последнего поэт и предлагал расстрелять безо всякого снисхождения. Пролетарский поэт выражал крайнее возмущение тем, что напротив ленинского мавзолея «маячит доселе на площади Красной самый подлый, какой может быть, монумент». На постаменте, по словам Д. Бедного, «кочевряжится Минин Пожарский». Конкретнее: «Минин стоит раскорякой / Пред дворянским кривлякой, / Голоштанным воякой, / Подряжая вояку на роль палача / И – всем видом своим – оголтело крича: / “В поход, князь! На Кремль! Перед нами добыча!”». Поэт похвалил отдельных наших предков, которые, дескать,

верно судили об этих «героях». Так, пишет он, «патриот, дворянин и кулак Хомяков / Выдал правду об этом в сокрушительном вздохе: / “Вся Россия была богомерзкий сосуд! / После Смуты, когда наводились «порядки», / Князь Пожарский был отдан под суд / За взятки!”». Минин, прибавляет поэт прозой со ссылкой на историка Ивана Забелина, тоже «брал посулы-взятки… мог красть и казну». Для Бедного «никакой тут особенной нет новизны. / Патриоты извечно по части казны / Неблагополучны: / Патриотизм с воровством неразлучны!» Он призывает не верить иным историкам, которые в оправдание своих героев могут только божиться: «Вот ей-богу же, Минин с Пожарским – не воры! / Вот ей-богу, не воры!» Сам Д. Бедный точно знает, «Что на краски октябрьского чудо-парада, / Ухмыляяся, бронзовым взором глядят / Исторических два *казнокрада!»* По мнению поэта, во имя исторической справедливости должен бы быть возведен в степень героя и поставлен рядом с Мининым «Хозя Кокос! Крымчак. И к тому же – еврей!», якобы тоже имеющий огромную заслугу в деле освобождения России. Умный Хозя был, уверяет Д. Бедный со ссылкой на Карамзина, тем, «при помощи чьей махинации / Завербован в союзники Менгли Гирей», и Русь в итоге была освобождена от татарского ига. Вообще же, переходя от шуток на серьезный тон, Д. Бедный предложил такие памятники «взрывать динамитом», а «подлецам и лжецам… патриотам, / Что любят былую Россию оплакивать, / “Величьем России” мозги обволакивать, / Надо это былое “величье” печальное, / Рогожно-мочальное, / Его гниль, червоточины все, / Показать им во всей неприглядной красе». Д. Бедный знает единственного историка, который в таком деле преуспел и которого он всячески рекомендует: «У Покровского малые школьники даже / Нынче могут об этом всю правду прочесть».

История со стихотворными фельетонами, вызвав восторг у определенной части читателей и чиновников (первые два фельетона к декабрю успели издать отдельной книгой с подзаголовком «Памятка ударнику»), имела неожиданный финал. 6 декабря 1930 года фельетоны обсудил Секретариат ЦК партии и выпустил постановление. В нем значилось: «ЦК обращает внимание редакций “Правды” и “Известий”, что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании “России” и “русского” (статьи “Слезай с печки”, “Без пощады”); в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских (“Слезай с печки”); в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты “лентяй”, “любитель сидения на печке” не может не отдавать грубой фальшью».

Демьян Бедный был обескуражен. В письме И.В. Сталину он писал, что постановление побуждает его к самоубийству: «Может быть, в самом деле нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически». Ответное письмо не было утешительным. Сталин еще раз разъяснил поэту суть его ошибок. Пролетарский поэт, дескать, не должен «возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную “Перерву”, что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и – русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими». Отметив все это, Сталин заключил: «Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а *клевета* на наш народ, *развенчание* СССР, *развенчание* пролетариата СССР, *развенчание* русского пролетариата», и посоветовал поэту по примеру В.И. Ленина переключиться на осознание «не по холопски понятой» национальной гордости великороссов. В непубликовавшейся до недавнего времени части этого письма Сталин, по существу, обвинял Бедного в приверженности троцкизму. «Существует, как известно, – писал он, –

“новая” (совсем “новая”!) троцкистская “теория”, которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь, реальна лишь “Перерва”. Видимо, эту “теорию” пытаетесь Вы теперь применить…» («Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925—1938. Документы. М., 1997). От историка М.Н. Покровского и мэтров его школы подобных советов и оценок поступить, конечно, не могло. Они сами явно нуждались в рекомендациях такого рода. Возможно, направляя письмо Д. Бедному, Сталин рассчитывал, что и ученые-историки примут к сведению его замечания.

Что касается литературных собратьев Демьяна Бедного, то, конечно, далеко не у всех из них и отнюдь не сразу изменилось отношение к исторической России. 1931 год дает новые образчики русофобии, в частности переиздается книга Осипа Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика», содержащая, к примеру, такие пассажи: «Она еще доживает свой век – старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по “престольным” праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет изничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем. Еще живет “росеянство”, своеобразно дожившее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по старинке, в “особый” путь развития, в народ-“богоносец”, с погружением в “философические” глубины мистического “народного духа” и красоты “национального” фольклора. В современной поэзии наиболее сильными представителями такого “росеянства” являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин – в прошлом)». Вину Сергея Клычкова литературовед увидел в том, что тот, говоря о СССР, величает нас «Советской Русью». А это – «пиетет перед патриархальной, рабовладельческой Русью», «плацдарм, с которого ведется обстрел ненавистной советской современности». Оказывается, Клычков непочтительно говорит о мировой революции (только для Главлита), для души же – о национальном. Поэт написал: «Завтра произойдет мировая революция, капиталистический мир и национальные перегородки рухнут, но… русское искусство останется, ибо не может исчезнуть то, чем мы по справедливости перед миром гордились и будем, любя революцию… гордиться!» Литературовед осуждает: «Конечно, великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция – не русская революция. Ему ведь полагается забыть о ста с лишним народах, населяющих бывшую Российскую империю».

Оскорбительный выпад против исторической России и «кулацких поэтов» содержало выступление поэта А. Безыменского на VI съезде Советов СССР. «В настоящее время, – говорил он, – традицию воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянства, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». От имени пролетарских писателей он объявил «жесточайшую войну кулацким идеологам “Рассеюшки-Руси”, а успехи ее пообещал измерять «степенью ликвидации образа того врага, который заключает в себе понятие “Рассеюшка-Русь”». Выступление было закончено стихотворным приговором: «Рассеюшка-Русь! / Растреклятое слово / Трехполья / болот / и мертвеющих рек».

Л.Б. Каменев, к тому времени отставленный от большой политики, тоже нашел возможность напомнить о должном отношении к исторической России. 27 декабря 1931 года были сданы в печать «Замогильные записки» В.С. Печерина, одного из первых русских политических эмигрантов XIX века. В сочувственном предисловии к этой книге, составленном Каменевым, приведены стихи Печерина, написанные в 1834 году: «Как сладостно – отчизну ненавидеть. / И жадно ждать ее уничтоженья! / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья!» Извиняясь за столь сильно выраженные байронические настроения,

автор полагал: «Любить? – Любить умеет всякий нищий, / А ненависть – сердец могучих пища».

Ленинградский Государственный театр сатиры и комедии внес свой «вклад» в борьбу с исторической Россией. 19 декабря 1931 года здесь состоялась премьера представления «Крещение Руси», шедшего почти до апреля следующего года. В благожелательной рецензии, помещенной в журнале «Рабочий и театр» (1932. № 1) отмечается: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы», а именно: «Былинные богатыри выступают в роли жандармской охранки, Соловей-разбойник становится олицетворением именитого купечества, Византия перекликается с фашистским Западом. Сам князь Владимир обобщен как представитель самодержавия и не случайно поэтому к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды. Однако основная, не преодоленная театром, ошибка автора кроется в показе всей “православной Руси” – пришибленным, с расслабленной волевой мускулатурой, появляющимся в неукоснительно пьяном виде и произносящим путанные и непонятные слова Микулой Селяниновичем. Обобщая “культурный” византийский деспотизм до фашизма (связь истории с современностью вообще в спектакле носит отпечаток наивной механистичности), Н. Адуев (автор текста. – *Авт.)* не подчеркивает мракобесия деспотов, и в сопоставлении с былинной дикостью расейского князя византийцы выглядят как… светочи культуры». Рецензенты тем не менее нашли возможным пожурить спектакль за «явно недостаточную, социальную, в частности антирелигиозную нагрузку».

Между тем на политико-идеологическом поприще утверждалась тенденция противоположного свойства.

Сталин, февраль 1931-го: «Теперь у нас есть Отечество»

В выступлении на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года Сталин заложил краеугольный камень в основание нового идеологического курса. Слову «отечество», использовавшемуся ранее чаще всего как синоним дореволюционной России, было придано новое звучание. Теперь оно прочно связывалось с понятием «наша страна». «В прошлом, – говорил Сталин, – у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость», и если не хотеть, чтобы наше отечество было побито и утеряло независимость, нужно в «кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства». Новое представление о «социалистическом отечестве» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания (в представлениях первых лет революции) до реальных границ СССР. Новое понимание отечества позволяло «реабилитировать» патриотизм в его нормальном и привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей. Предстояло, как предлагал М.И. Калинин, «все население пропитать советским патриотизмом, чтобы каждый гражданин Советской республики, если даже он самый обыкновенный обыватель, встретившись с гражданином капиталистической страны, всегда чувствовал внутренне превосходство: я – гражданин Советской республики». Теперь такая установка была дана самим Сталиным.

Заявка на русское первенство в международном пролетарском движении

Особенно большую значимость имело письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в конце октября 1931 года. Русские большевики представали в письме в качестве некоего эталона для коммунистов других стран: именно они «выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции»; именно их интернационализм «является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран». В письме утверждалось также, что русский пролетариат является авангардом международного пролетариата, последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран. Согласно этому не западные марксисты должны давать уроки своим русским товарищам, а наоборот. В статье подчеркивалось, что у «русских большевиков» есть все основания оценивать степень марксистской революционности зарубежных социал-демократов. Несогласие с подобного рода русоцентризмом означало, по определению Сталина, «троцкистскую контрабанду».

Вместе с письмом Демьяну Бедному письмо в журнал «Пролетарская революция» заставляло призадуматься многих представителей тогдашней литературной и политической элиты, иных – проявлять большую сдержанность в оценках дореволюционного и современного Отечества. В.И. Пятницкий, к примеру, вспоминает, что его мать любила громко читать четверостишие русского поэта Д.В. Веневитинова (1805—1827): «Грязь, вонь, клопы и тараканы, / И надо всем хозяйский кнут, / И это русские болваны / Святым отечеством зовут». Сын полагает, что в этом выражалось резко критическое отношение человека начала тридцатых годов «к окружающей советской действительности». И.А. Пятницкий, отец мемуариста, бесстрашный большевик, обвиненный позднее в троцкизме, видимо, так не считал и опасливо говорил жене: «Тише, Юля, тише».

Письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», начавшаяся критика лозунга «одемьянивания» пролетарской поэзии (выдвинут в 1923 г.), под которым велось «огульное охаивание всего прошлого в русском народе» (Правда. 1931. 24 ноября), расшатывали представления о советских коммунистах как принципиальных западниках. А ведь еще совсем недавно Луначарский разъяснял в популярном журнале, что не только социал-демократы и их предшественники «всегда были западниками», но и «наш коммунизм является отпрыском Запада… наш пролетариат, совершивший такую героическую революцию, есть неотъемлемая часть всемирного пролетариата». На этом основании предлагалось с самой жестокой решительностью опровергнуть «всю эту ерунду», будто коммунизм выражает «какую-то особенную, *чисто* русскую сущность» (Огонек. 1929. № 5).

Приход Гитлера к власти в Германии и закрепление поворота к патриотизму в СССР

Окончательному закреплению поворота к признанию великой роли отечественной истории и патриотических чувств в сплочении советского общества способствовали известные события в Германии. 30 января 1933 года А. Гитлер стал рейхсканцлером, а в августе следующего года, после смерти президента П. Гинденбурга, сосредоточил в своих руках всю законодательную и исполнительную власть в качестве «фюрера и рейхсканцлера». Произошло это в стране, на революционность и интернационализм пролетариата которой российские большевики возлагали особые надежды, видя в классе-собрате явного лидера в грядущем социалистическом переустройстве мира. И вот эту-то страну, с ее просвещенным

населением и мощным, как казалось, рабочим классом Гитлеру удалось завоевать с помощью национальных лозунгов и знамен. Развертывая борьбу против нацизма, профессиональные интернационалисты в СССР поначалу не верили в долговременность успеха гитлеровцев, полагая, что они вот-вот «начнут терять свою кратковременную устойчивость», поскольку национализм, «последняя твердыня отживающего капиталистического мира», в их представлении, никак не могла быть прочной.

Редактор советского журнала «Революция и национальности» С.М. Диманштейн говорил в этой связи: «Правительство Гитлера так прямо себя именует: “правительство национального возрождения”, а тех, кто выступает против этого правительства, они клеймят контрреволюционерами, считая себя совершающими национальную революцию». Гитлер, однако, явно преуспевал. Сознание исходящей из этого опасности не могло не наталкивать идеологов в СССР также и на мысль о том, что национальный фактор, пожалуй, не слабее интернационального, списывать его со счетов не следует, а подавлять и не использовать – неумно.

Развитие германских событий, без сомнения, ускорило эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении, все более отклонявшемся от курса на мировую революцию. 19 декабря 1933 года Политбюро ЦК ВКП(б) заявило о готовности СССР вступить в Лигу наций и заключить в ее рамках региональное соглашение «о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». 18 сентября 1934 года. СССР был принят в эту международную организацию. Вскоре после этого Сталин начал говорить и вовсе неожиданное. К примеру, американский журналист, спросивший Сталина, правильно ли он понимает, что СССР «в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию», получил ответ: «Таких планов и намерений у нас никогда не было» (Правда. 1936. 5 марта). Смертные приговоры в 1936 и 1938 годах недавним руководителям Коминтерна Г.Е. Зиновьеву и Н.И. Бухарину должны были, помимо всего прочего, создавать впечатление о действительности намерений руководства СССР отказаться от непосредственного курса на мировую революцию.

Дальнейшему отходу от левацкого интернационализма способствовали решения VII конгресса Коминтерна. Более чем за год до конгресса, 7 апреля 1934 года Г. Димитров в разговоре с членами Политбюро ЦК ВКП(б) поставил вопрос: почему в решительный момент миллионные массы идут не с коммунистами, а, скажем, как в Германии, с национал-социалистами? Поиски ответов на этот вопрос привели к принципиальному выводу: причина кроется в неправильном подходе к национальной психологии народных масс и национальным традициям, к которым коммунисты проявляли явное пренебрежение. Ранее в документах Коминтерна о патриотизме говорилось обычно в критическом смысле, нередко это понятие отождествлялось с шовинизмом.

По предложению Сталина Димитров был избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. Новое руководство Коммунистического Интернационала вместе с Политбюро ЦК ВКП(б) начало возвращать международную организацию, как впоследствии стало говориться, «к марксистско-ленинским взглядам на отечество, патриотизм и идеям, оказавшимся забытыми или искаженными в практике революционной борьбы предшествующих лет», не допуская какого-либо нигилизма по отношению к национальной проблематике своей страны. «Мы, коммунисты, – подчеркивал Димитров на VII Всемирном конгрессе Коминтерна 2 августа 1935 года, – *непримиримые принципиальные противники* буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы *не сторонники национального нигилизма* и никогда не должны выступать в качестве таковых». Поворот казался столь крутым, что многим пораженным левизной коминтерновцам поначалу казалось: «Москва ликвидирует пролетарский интернационализм и начинает культивировать в рабочих массах преувеличенный патриотический национализм».

Исправление левацких ошибок в отношении к патриотизму и национальной психологии народа в самом СССР началось со снятия проклятия с «великорусского национализма». Партийное постановление 1921 года решало этот вопрос однозначно: из двух возможных уклонов в национальном вопросе главную опасность представляет великорусский национализм. Презумпция была снята на XVII съезде партии, который предписал всем парторганизациям руководствоваться «положениями и задачами, выдвинутыми в докладе т. Сталина» от 26 января 1934 года. В докладе значилось, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». Как показали дальнейшие события, репрессии в последующем чаще всего сопрягались с обвинениями в местном национализме.

Арьергардные бои с «русским национализмом»: «Дело славистов»

Избавление от догматизма, признание значимости национального фактора и патриотизма Коминтерном и правящей элитой СССР не могли свершиться в одночасье, требовали целого ряда лет, если не десятилетий. Наряду с начавшимся поворотом в реальной жизни страны начала 1930-х годов уживались тенденции прямо противоположной направленности. Официально признанной главной опасностью для большевистской власти оставался в то время «великорусский национализм», искоренение его возможных носителей нанесло неисчислимый ущерб русскому народу, его интеллигенции. Особая роль в нейтрализации национализма отводилась карательным органам. Так, в конце 1933 – начале 1934 года в Москве, Ленинграде и ряде других городов «славными чекистами» были арестованы «члены широко разветвленной фашистской организации», именующейся «Российской национальной партией». В общей сложности ими оказались (с учетом параллельных дел на периферии) более ста интеллигентов-гуманитариев, значительную часть которых составляли русисты и слависты-филологи – специалисты по истории древнеславянской письменности, славянскому фольклору, сравнительной грамматике и истории славянских языков.

На этот раз события развертывались следующим образом. В декабре 1933 года один из обвиняемых в участии в «эсеровской организации» дал показания против выдающегося ученого, члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Дурново и его сына, также слависта, А.Н. Дурново, назвав их участниками «националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу». 28 декабря они были арестованы. За ними через несколько дней последовали невеста А.Н. Дурново Варвара Трубецкая и ее отец В.С. Трубецкой (брат Н.С. Трубецкого). Затем в январе и феврале 1934 года арестовали еще ряд славистов и русистов, связанных тем или иным образом с семьей Дурново: Г.А. Ильинского, А.М. Селищева, В.В. Виноградова, В.Ф. Ржигу, И.Г. Голанова, П.А. Расторгуева, В.Н. Сидорова, Ю.М. Соколова, А.И. Павловича, Н.И. Кравцова и других. По ходу следствия к ним подключались новые московские и ленинградские интеллигенты. Среди них были искусствовед, директор Русского музея Н.П. Сычев и известный реставратор П.Д. Барановский, решительно протестовавший против планируемого уничтожения храма Василия Блаженного и демонстративно отказавшийся от подготовки памятника к сносу. 29 марта 1934 года все они (33 человека) были осуждены как члены «контрреволюционной фашистской организации».

В московских и ленинградских следственных делах был собран обильный «компромат» на новых «руководителей и членов организации». Среди них значились крупнейшие ученые страны – академики В.И. Вернадский, М.С. Грушевский, Н.С. Державин, Н.Д. Зелинский, В.М. Истрин, Н.С. Курнаков, Б.М. Ляпунов, В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский. Вопрос об аресте академиков решался на самом высоком уровне, и там сочли нужным ограничиться лишь двумя учеными-славистами старой школы, сохранявшими независимость взглядов, –

М.Н. Сперанским и В.Н. Перетцем. Последний был объявлен националистом и русским и украинским одновременно. Обоих арестовали в ночь на 12 апреля 1934 года. Историк М.С. Грушевский, очевидно, избежал ареста лишь в связи с кончиной (25 ноября 1934 г.), поскольку посмертно его объявили главой «контрреволюционного центра», но уже не российского, а украинского. Слависты оказались в особо невыгодном положении еще из-за того, что в то время шла борьба с «панславизмом», отношения со славянскими странами «санитарного кордона» были крайне напряженными и даже общее происхождение славянских языков и народов было «опровергнуто» академиком Н.Я. Марром, «доказавшим», что русский язык «оказался по пластам некоторых стадий более близок к грузинскому, чем… к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому».

Первоначально обвинения арестованным сводились к следующему. На рубеже 1920-х и 1930-х годов в Москве под руководством академика М.Н. Сперанского группа славистов якобы начала готовить свержение советской власти и восстановление монархии. Среди арестованных были лица только со славянскими фамилиями. «Инородцев» в связях с монархистами не подозревали. В своих действиях группа Сперанского руководствовалась-де указаниями «закордонного русского фашистского центра, объединяющего эмигрантские группы и возглавляемого князем Н.С. Трубецким». Имелись в виду, конечно же, евразийцы. Обнаруженное во время ареста у одного из обвиняемых собрание статей Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927) расценивалось как «платформа русского фашизма». Координация действий московского и венского центров была инкриминирована члену-корреспонденту АН СССР Н.Н. Дурново, который в середине 1920-х годов находился в заграничной командировке, его сын к тому же стал родственником князей Трубецких.

Однако М.Н. Сперанский, по ходатайству младшего брата Г.Н. Сперанского (в те годы – директора Института охраны материнства и детства и, что важнее всего, главного кремлевского педиатра, лечившего детей членов Политбюро), был вскоре вызволен из тюрьмы и содержался до суда дома. Может быть, и в этой связи с апреля 1934 года следствие приняло «уточненное» направление: славянская филология – реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Германии; читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии. Такие же обвинения содержал и «научный доклад», оглашенный в Ленинграде в Институте языка и мышления в конце 1934 года. Славянская филология, утверждалось в нем, «была всегда наукой заведомо и насквозь пронизанной зоологическим национализмом», а в настоящее время в качестве своей теоретической базы имеет «идеализм фашистского толка». Из сказанного видно, что все относившееся к собственно русскому и славянскому вопросам, вплоть до середины 1930-х годов, маркировалось в СССР как фашизм. Из осужденных по делу «Российской национальной партии» одиннадцать были расстреляны в местах заключения в 1937—1938 годы, в том числе Н.Н. и А.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, В.С. и В.В. Трубецкие. Лишенные академических званий и приговоренные к ссылке академики прожили недолго. В.Н. Перетц скончался в сентябре 1934 года, М.Н. Сперанский – в апреле 1938-го. Результатом «очищения» славяноведения от «фашистов» стало прекращение исследований по славистике и преподавания славяноведческих дисциплин. Подготовка славяноведов была возобновлена в Москве лишь в 1939-м на историческом и в 1943 году – на филологическом факультетах МГУ.

Война заставила изменить отношение и к славянофилам. Вплоть до начала Второй мировой войны они чаще всего изображались советскими историками как группа «националистически настроенной буржуазии», требовавшая объединения славян под русским царем. На приеме правительственной делегации Чехословакии во главе с Э. Бенешем, И.В. Сталин, открестившись от родства со «старыми славянофилами», тем не менее заявил: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение,

а за союз славянских народов… Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства». Надо, однако, принимать во внимание время, когда стали возможны такие речи. На дворе стоял март 1945 года.

Возвращаясь от этой даты в довоенное советское прошлое, мы снова оказываемся в обстановке преследований режимом носителей национально-патриотических идей и борьбы за преодоление культурного наследия русского народа. Видимо, одно из первых судилищ над русскими патриотами, объявленных фашистами, состоялось за десять лет до «дела Российской национальной партии». 1 ноября 1924 года в Москве был арестован писатель Алексей Ганин. При аресте у него были изъяты тезисы, называвшиеся «Мир и свободный труд – народам». На допросах писатель уверял, что тезисы подготовлены для романа, над которым он начал работать. Поскольку в этом «документе» русские люди призывались на борьбу с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России, то ссылки на роман писателя не спасли. Мировоззрение Ганина было квалифицировано как фашистское. Чекисты арестовали еще 12 человек – начинающих поэтов и журналистов, вчерашних крестьян, мелких служащих, группировавшихся вокруг А. Ганина и разделявших патриотические убеждения. В ЧК эта группа получила название «орден русских фашистов». Главу «ордена» с шестью товарищами расстреляли 30 марта 1925 года. Остальные семеро пошли на Соловки, откуда вернулось лишь двое.

Свой «вклад» в борьбу с культурным наследием народов России во имя грядущей «светлой жизни» вносили в 1920—30-е годы борцы с традициями прошлого в литературе и культуре. С вульгарно-классовой точки зрения традиции эти расценивались не иначе как феодально-помещичьи и буржуазные. Образчиком такого понимания дореволюционной культуры и ее творцов может служить выступление Вс. Вишневского на одной из армейских партконференций в июле 1921 года. «Старая культура, – внушал он красноармейцам, – была фактически насквозь пропитана буржуазным духом». И пояснил это на конкретных примерах. Взять Пушкина. Он был камер-юнкером его величества царя и гордился своим дворянством. Не признавал никаких революций – следовательно, был контрреволюционером. Лермонтов был аристократом в полном смысле этого слова. Некрасов – из помещиков. Лев Толстой – граф. Писать-то он писал хорошо, но народ в «Войне и мире» является лишь фоном, а главное разыгрывается между немногими аристократами, для которых слово «мужик» было бранным, почти неприличным. Чехов – происхождением из мещан и, безусловно, также один из последних представителей упадочничества. Его герои бесятся от жира в провинции, скучают от безделья, ноют без конца. Кольцов считался народным поэтом, но на самом деле это типичный представитель кулачества. Горький, правда, в значительной степени близок к народу, но и у него встречается немало высказываний далеко не пролетарской идеологии. В музыке – то же самое. Глинка – помещик; достаточно сказать, что у его отца был собственный оркестр из крепостных. Римский-Корсаков – придворный капельмейстер, писал лженародные оперы, непонятные крестьянину. Музыка Чайковского – яркий образец безысходного упадочничества и пессимизма, чуждого рабочему классу. Все эти симфонии, сонаты, балеты совершенно непонятные народу. Что касается балерин, певиц в опере, оперетте, то все или почти все они фактически работали в роли привилегированных проституток и зарабатывали неплохо. Трамплином же у них, конечно, была кровать дирижера или какого-нибудь князя (Литературная Россия. 1995. 7 июля).

Естественно, таким образом представленная культура и традиции не заслуживали ничего другого как быть сломанными и отброшенными с тем, чтобы дать простор развитию социалистического содержания интернациональной культуры. Например, Н.И. Бухарин не только думал, что «“завоевать” буржуазную культуру целиком, *не разрушая ее*, так же невозможно, как “завоевать” буржуазное государство», но и требовал: «старый театр надо сломать, и кто не понимает этого, тот ничего не понимает». Любителей ломать оказалось

предостаточно. Не последним среди них был Вс. Мейерхольд с его девизом «К искусству всего земного шара, к отречению от России». Как отмечали театроведы, в своих спектаклях он стремился показать русскую жизнь в самом «пошлом безобразии».

С этой же точки зрения роман Льва Толстого «Война и мир» представлялся не более чем попыткой «реабилитировать дворянство», Чайковский объявлялся «квасным патриотом», Горький – «псаломщиком русской культуры». А.В. Луначарский в 1924 году заявил, что если Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и признавать великими, то только с условием, что они-де велики «вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она». О великом Репине писали, что он как «свой» (для дореволюционного режима) художник «умел скрывать объективную классовую сущность буржуазии»; Сурикова объявляли защитником «реакционно-монархического национализма, опиравшегося на кулачество». Смысл подобных писаний, как отмечалось после известного отрезвления середины 1930-х годов, «сводился к тому, чтобы, прикрываясь “борьбой” против великодержавного шовинизма, под шумок объявить целиком всю русскую культуру и искусство помещичье-буржуазным, реакционно-националистическим» (Правда. 1937. 13 августа).

Особенно впечатляющим был изобретенный литературоведом В.Б. Шкловским способ использования произведений классиков русской культуры не во вред, а к благу советских людей. Он полагал, что «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Бесы» – «все это запас неправильных фактов». Опровергать их в предисловиях – занятие непосильное: «Дать написать Машбиц-Верову предисловие к Александру Блоку – это значит выписать мухе путевку на право управления паровозом». Однако задачу решать надо, ибо «каждая эпоха имеет право переделывать предыдущую», а уж советская тем более. Поэтому, предлагает Шкловский, «с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым и Достоевским нужно бороться по линии изменения сведений, которые они сообщают». К примеру, в кино, которое обладает огромной силой внушения, мы должны «создавать вещи, параллельные произведениям классиков… вдвинуть в сознание не ложь, а новый материал. Кинокартина будет существовать рядом с литературным произведением, пользуясь его материалом и в то же время вытесняя его. Иначе и быть не может. Гражданский мир – удел кладбища» (Советский экран. 1927. № 33). Как здесь не вспомнить исторический отдел министерства правды, созданный воображением Джорджа Оруэлла, в полной мере реализовавшего идею В.Б. Шкловского.

В резолюции Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (январь 1925 г.) «контрреволюционным» объявлялось не только все прошлое литературы. Контрреволюционерами считались и «попутчики» – непролетарские писатели, в том числе и стоявшие на платформе советской власти, но якобы застывшие перед «гранитным монументом буржуазно-дворянской литературы», «проникнутые духом национализма, великодержавности, мистицизма». «Монумент» предстояло разрушить до основания. Как это делать? – Недостатка в советах не было. «Во имя нашего Завтра, – призывал еще в 1918 году. Владимир Кириллов в своем знаменитом стихотворении «Мы», – сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Газета «Искусство коммуны», издававшаяся в Петрограде, утверждала: «Следует больше жалеть о сошедшем с нарезки винте, чем о разрушении храма Василия Блаженного»; «Разрушать это и значит создавать, ибо разрушая, мы преодолеваем свое прошлое»; «Мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому». Владимир Маяковский в стихах с мрачным названием «Радоваться рано» (1918) и выговаривал за нерадивость, и наставлял одновременно, намечая разнообразнейшие цели для уничтожения: «Белогвардейца / найдете – и к стенке. / А Рафаэля забыли? / Забыли Растрелли Вы? / Время / пулям / по стенкам музеев тренькать». «А царь Александр / на площади Восстаний / стоит? / Туда динамиты! / Выстроили пушки по опушке… / А почему / не атакован Пушкин?» У поэта были и соображения о том, как решать международные и межнаци-

ональные проблемы. Так, на Генуэзскую конференцию (1922) Маяковский советовал ехать, «осматривая хозяйскими глазами грядущую Мировую Федерацию Советов», в исторической перспективе – «в мире без Россий, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем».

Маяковский, постигавший законы истории не иначе как по трудам главных «пролетариатоводцев» планеты, не затруднялся и с ответом на вопрос о характере общности, появляющейся в СССР после 1917 года. В социалистическом отечестве, полагал он, трудясь над поэмой «Хорошо» (1927), и нация соответствующая – социалистическая. И никаких других. «Разнедоуменные» вопросы на этот счет, дескать, «что это за нация такая “социалистичья”, / и что это за “социалистическое отечество”?…*Такого* отечества, *такой* дым / Разве уж *настолько* приятен?…У вас и имя *Россия* утеряно. Что это за отечество у забывших об нации? / Какая нация у вас? Коминтерина?», – могли, по Маяковскому, возникать лишь у «национальных трутней» старой формации – у богатых, буржуев и прочих врагов социалистической республики. Таким втолковать новое понимание отечества и нации способны лишь «лубянская лапа Чека» да «товарищ Маузер».

Посрамление революционно-утопических идей в языковом строительстве

На свой манер утверждали интернационализм в противовес «национальной ограниченности» и «великорусскому шовинизму» революционеры от языковедения. «Новое учение о языке», сформулированное академиком Н.Я. Марром в 1923—1924 годах, было провозглашено «единственно правильным» и «марксистским». Доклад Марра, прозвучавший на знаменитой конференции историков-марксистов (декабрь 1928 – январь 1929), М.Н. Покровский назвал великолепным и якобы доказывающим, «что к нашим, материалистическим выводам можно прийти не только от изучения классовой борьбы… но и от изучения истории человеческой речи».

Вопреки обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные языки, «новое учение» утверждало прямо противоположное, а именно, что языки возникали независимо друг от друга. Марр полагал, что первичная звуковая речь состояла всего из четырех элементов – *сал, бер, йон, рош*. Считалось, что эти элементы («диффузные выкрики», как говорил наиболее влиятельный последователь Марра академик И.И. Мещанинов) возникли вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, и долгое время не имели никакого словарного значения. Элементы (чаще всего в модифицированном виде) без труда обнаруживались в каждом из слов любого языка. В своем развитии языки, по Марру, претерпевали процессы скрещивания, в результате взаимодействия два языка превращались в новый третий язык, который в равной степени являлся потомком обоих языков.

Теории Марра были созвучны представлениям 1920-х годов о близкой мировой революции и надеждам многих еще успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке. Подобно тому, писал Марр, «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству… так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку». В Советском Союзе Марр видел не только создание новых национальных языков, но и то, как в результате их скрещивания (взаимопроникновения) развивается процесс «снятия множества национальных языков единством языка и мышления».

С момента основания в 1921 году Яфетического института (с 1931 г. Институт языка и мышления) его планы предусматривали разработку проблем языка будущего. В феврале 1926 года была намечена к учреждению группа по прикладной лингвистике, которая имела задание установить теоретические нормы будущего общечеловеческого языка. Один из

основных тезисов «нового учения о языке» Марра гласил, что «будущий всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство… будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый». Именно этот тезис был повторен И.В. Сталиным на XVI съезде партии. «В период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, – говорил он, – национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым».

«Революционная» лингвистическая теория академика Н.Я. Марра, важнейшее достижение которой было утверждено таким образом на съезде партии, высоко ценилась и за другие «достоинства». В докладе «Основы планирования научно-исследовательской работы», с которым Н.И. Бухарин выступал 6 апреля 1931 года на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, было отмечено: «Во всяком случае, при любых оценках яфетической теории Н.Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гирями на ногах этой дисциплины».

Учение Н.Я. Марра, имевшее такую поддержку, долгое время навязывалось его последователями и после смерти ученого (20 декабря 1934 г.) как якобы единственно приемлемое для советской науки. Однако отрицание Марром национальных границ, особой роли русского языка в процессе перехода к мировому на территории СССР, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание искусственного всемирного языка, дружба Марра с Покровским, сходство некоторых его идей с идеями Бухарина – все это вынудило Сталина в послевоенные годы развенчать «новое мышление». После выступления Сталина по вопросам языкознания в 1950 году Марр, равно как и Покровский, оказался вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев». В оценках современных ученых «новое мышление о языке» характеризуется как абсолютно ненаучная теория, включавшая в себя самые нелепые и фантастические идеи, соединенные с политической фразеологией, свойственной 1920-м – началу 1930-х годов, и послужившая лишь для того, чтобы осуществить полный разгром научного языкознания.

Утопические представления о возможности окончательного решения национально-языковой проблемы при социализме разделял в 1920-е годы А.М. Горький. В 1926 году он был весьма раздосадован в своем далеком Сорренто, получив с Украины письмо с предложением перевести его роман «Мать» на украинский язык и издать для молодежи в сокращенном варианте. Протестуя против такой затеи, он отвечал: «Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречия “языком”, – но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия. При старом режиме – посильно – протестовал против таких явлений. Мне кажется, при новом режиме следовало бы стремиться к устранению того, что мешает людям помогать друг другу. А то выходит курьезно: одни стремятся создать “всемирный язык”, другие же действуют как раз наоборот».

О самом простом способе решения такой задачи можно прочитать в сборнике статей А.А. Богданова «О пролетарской культуре» (М., 1924). Еще в 1919 году этот знаменитый автор выступил за преобразование в интересах мировой революции «варварской орфографии английского языка в рациональную, – быть может, и с некоторыми грамматически-упрощающими реформами», после чего объявить этот язык «международно-пролетарским» со всеми практическими мерами, из этого вытекающими. Идею создания общего языка трудового человечества в том же году излагал и Илья Эренбург. «Нет сомнения, – писал он, – вскоре строительство всемирного языка станет задачей не отдельных чудаков, а всего чело-

вечества… Интернациональные рабочие организации начинают понимать назревшую необходимость. Возможно, эсперанто не устоит, будет сметено чем-либо более совершенным. Для меня ясно одно: человечество приближается к тому возрасту, когда вместо лепета предков оно создаст себе новый, единый язык».

Эсперантисты, однако, видели решение национально-языковых проблем именно в русле своего движения. Они полагали, что международным языком революционного пролетариата должен стать искусственный язык, созданный в 1887 году Л. Заменгофом на основе латинской графики, грамматических и лексических элементов европейских языков. Эсперанто рекламировался как язык простой, логичный, гибкий, благозвучный, нейтральный по отношению ко всем национальным языкам. И главное – легкий для изучения. Он базируется на шестнадцати не допускающих исключений правилах грамматики. Рабочему со средними способностями, уверяли поклонники эсперанто, достаточно позаниматься три-четыре месяца по часу в день, и он будет свободно читать, писать и говорить на этом языке. В мировом движении эсперантистов объединялись сторонники разных «прогрессивных» политических партий (социал-демократы, христианские социалисты, анархисты и др.), а также беспартийные либералы, вдохновлявшиеся мечтами о мировом безнациональном содружестве людей.

Октябрьская революция вызвала к жизни «красный эсперантизм». Его идеологи, принявшись за «материалистическое» обоснование проблемы международного языка, утверждали, что начавшееся объединение общественного хозяйства в мировом масштабе с неизбежностью приведет к падению разделяющих народы классовых, государственных и языковых границ. И если еще не настало время говорить о едином мировом языке, то о всеобщем вспомогательном языке, втором для каждого, говорить было уже пора. Введение такого языка должно было, по мысли «материалистов», ускорить диктуемый ходом истории процесс ассимилирования и интернационализации существующих языков, всемерно помогать стиранию национальных различий. «Установление же единообразной коллективистской мировой системы, – писал один из лидеров советских эсперантистов Э.К. Дрезен в своей книге «За всеобщим языком: Три века исканий» (1928), – будет одновременно означать уничтожение 800 сложившихся… *языков* и приведение их к единому виду».

В 1917 году в России действовало около ста объединений и кружков эсперантистов, в последующем их число быстро росло. В 1921 году возник Союз эсперантистов советских стран, переименованный позднее в Союз эсперантистов советских республик. С этого времени и по 1937 год эсперантизм в СССР был популярным общественным движением, пользующимся поддержкой властей. Эсперанто пропагандировали как залог международной революции, как цемент для связи международного пролетариата, фундамент будущей всемирной федерации рабоче-крестьянских республик. Выдвигались предложения «немедленно объявить всему миру, что Российская Рабоче-Крестьянская республика при всех международных политических, экономических и торгово-промышленных сношениях с другими государствами будет пользоваться отныне исключительно международным вспомогательным языком Эсперанто». Заместитель редактора «Известий ВЦИК» П.М. Керженцев писал в январе 1919 года на страницах этой газеты: «Первая в мире Социалистическая Республика имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить практически к его разрешению: она не только может, но и должна во имя идеалов, исповедуемых ею и движущих ее, взять на себя инициативу в практическом разрешении вопроса о международном языке, обратившись к другим народам с призывом последовать в этом вопросе за нею».

Обучение искусственному международному языку организовывалось на добровольных началах, но бывали случаи, когда он преподавался и в приказном порядке. По воспоминаниям бывшего красного латышского стрелка, комиссара полка имени Степана Разина

25-й Чапаевской дивизии, во время Гражданской войны существовало глубокое убеждение о грядущей мировой революции и о необходимости интернациональной помощи в случае восстания пролетариата в европейских странах. Естественным образом возникал вопрос, на каком языке бойцы Красной Армии будут общаться с народами Западной Европы. И вот в 1921 году, приказом по армии, в которую входила 25-я дивизия, было предписано всему личному составу изучать эсперанто под ответственность комиссаров частей. Комиссар получил учебник и проводил занятия в течение двух лет. По его словам, язык изучали охотно, усваивался он отлично, отстававших не было. В 1923 году комиссар был направлен на высшие командные курсы и его преподавательская деятельность прервалась. Тем не менее, до глубокой старости он пребывал в уверенности: «будь занятия не по два часа в неделю, а по четыре, через год весь полк бы говорил на эсперанто» (Огонек. 1988. № 8). На «гражданке» международный язык изучали в клубах и кружках, в общеобразовательной и высшей школах. К концу 1920-х годов организации эсперантистов имелись во всех крупных городах, язык изучали десятки тысяч человек. «Лучшие из них», как писал усвоивший эсперанто школьником Л.З. Копелев в книге «И сотворил себе кумира» (1978), принимались в особый союз «*Sennacieca Asocio Tutmonda – SAT*» («Всемирный Безнациональный Союз»). Принятым выдавались членские билеты – зеленые книжечки с именем и фамилией, написанными латинскими литерами, и значки: зеленая пятиконечная звезда в красном кружке. На вопрос о национальности члены союза должны были гордо отвечать: *sennaciulo* (сеннациуло, без национальности) и *satano* (сатано, член SAT).

Однако в условиях 1920-х годов, когда основные массы населения СССР оставались неграмотными либо имели лишь начатки образования на родных языках, эсперантизация не могла стать всеобъемлющей. В конце 1920-х годов мировое движение эсперантистов встретилось с трудностями из-за раскола между революционной частью, стоявшей на позициях Коминтерна, и «оппортунистами». В Советском Союзе эсперантисты оказались под подозрением из-за близости их руководителей к троцкистам и зиновьевцам. В результате в 1937 году эсперанто «превратился» из языка международного революционного пролетариата в «язык шпионов». Члены ЦК Союза эсперантистов советских республик во главе с генеральным секретарем Эрнестом Дрезеном были арестованы, движение разгромлено. Оно возродилось лишь в 1956 году.

Научное обеспечение государственной языковой политики в СССР в 1920—30-е годы осуществлялось все же не по рекомендациям А.А. Богданова и эсперантистов, и даже не по теории Н.Я. Марра, а по разработкам ученых, сгруппировавшихся вокруг существовавшего в 1925—1937 годах Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Однако и среди этих специалистов было немало энтузиастов, выступавших за переход на латиницу не только сохранявших еще оригинальность алфавитов грузинского, армянского и еврейского языков, но также и русской письменности.

Хотя революция сделала явью многие мечты человечества, но «вавилонское столпотворение языков далеко еще не изжито», сетовал, например, в 1929 году известный востоковед-семитолог Н.В. Юшманов. И если «работники по всемирной речи – *космоглоттисты*, – отмечал он далее с сожалением, – уже давно перешли от мечты-максимум (“единому человечеству единый язык”) к мечте-минимум (“каждому народу свой язык и один общий язык для всех”)», то работники по всемирному алфавиту *(космоглифисты)* не отрекались еще от своей мечты-максимум: «привести все человечество к единому письму». Правда, реформаторам пока никак не удавалось преодолеть сопротивление консерваторов: «вопрос о латинизации русского языка столько же раз проваливался, сколько ставился».

В ноябре 1929 года по инициативе Наркомпроса РСФСР была создана специальная комиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита, в которую были включены специалисты полиграфии, преподаватели русского языка, ученые-языковеды и дру-

гие. Возглавлял комиссию Н.Ф. Яковлев. На первом же заседании 29 ноября комиссия приняла «тезисы» председателя, в которых, в частности, отмечалось, что «русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма», что алфавит этот и после его частичной реформы в 1917 году «продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии», что в настоящее время он «также служит главным препятствием делу латинизации, как других национальных по форме алфавитов (еврейский, армянский, грузинский и т. д.), так и графики, построенной на основе кириллицы (белорусская, украинская, восточно-финские и др.)». Введение нового алфавита предназначено было сменить национальные разновидности латинского алфавита во всем мире и явиться одной из решающих предпосылок, которая небывало облегчила бы языковое и культурное взаимообогащение национальностей. И, пожалуй, самое главное: международный алфавит на латинской основе мыслился как «шаг на пути к международному языку».

14 января 1930 года комиссия провела заключительное заседание и постановила: «Признать… что переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит неизбежен». В постановление были включены соображения общественно-политического, экономического и педагогического характера в пользу реформы. В нем значилось и следующее: «Русский гражданский алфавит является пережитком классовой графики XVIII – XIX веков русских феодалов-помещиков и буржуазии… Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры», переход же на новый алфавит «окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции». Комиссия не сомневалась, что латинизация вызовет «бешеное сопротивление со стороны всех реакционных элементов, а также граждан, не вполне порвавших с чуждой интересам пролетариата идеологией», но уверяла, что время для латинизации пришло, что она будет поддержана всей передовой советской общественностью, и в итоге, согласно Ленину, представит «незначительные трудности». Комиссия предлагала осуществить переход на латиницу в течение предстоящих четырех лет, обещая в результате определенные выгоды экономического порядка уже в последний год первой пятилетки.

В наиболее полном виде доводы в пользу латинизации русского алфавита представлены в статье Н.Ф. Яковлева, опубликованной в шестой книге периодического издания «Культура и письменность Востока». Основной аргумент противников реформы представлялся автором так: «Переход на новый алфавит, ломая 200-летнюю историческую традицию русской культуры, фактически поведет к деградации этой культуры». Отводя этот аргумент, Яковлев утверждал: «Ломая эту традицию феодально-помещичьей и буржуазной культуры, мы тем самым обеспечиваем расцвет русской национальной культуры с пролетарским содержанием»; «Современный русский алфавит не соответствует темпу развития русской социалистической по содержанию культуры и именно для того, чтобы обеспечить ее дальнейший рост и расцвет, мы должны перейти на более совершенную форму графики». Далее утверждалось, что «латинская графика, как и физиология глаза и руки современного человека, ближе соответствует современному уровню развития техники, тогда как графические формы современного русского алфавита отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и технике чтения и письма дореволюционной царской России». Снова обещались материальные выгоды от латинизации за счет сокращения расходов бумаги и пр. Самая же главная выгода усматривалась в идеологической области, поскольку «политически единый алфавит явится отражением в графике единства всех народов СССР и единства пролетарского содержания их культуры при всем разнообразии ее национальных форм», он «укрепит единение народов СССР с трудящимися массами Востока и Запада».

Реформаторы не реагировали на возражение оппонентов, которые отмечали явную противоречивость в их доводах – революционным признавался алфавит, который «до сих пор во многих местах служит колонизаторской политике европейских государств», а русский давно уже перестал быть таким орудием и, главное, «является единственным алфавитом, на котором издано полное собрание сочинений Ленина» (Вечерняя Москва. 1930. 7 января). Переход на новый алфавит предлагалось осуществить в течение первой пятилетки. И хотя этого не произошло, И. Хансуваров в своей книге «Латинизация – орудие Ленинской национальной политики» (1932) продолжал уверять, что интернационалист может отстаивать только латинский алфавит, так как он станет основным для всех народов при «грядущей победе мировой революции». Всякие же попытки рассматривать русский алфавит как основу письменности нерусских народов клеймились как контрреволюционные действия, которые «льют воду на мельницу буржуазии средневековья».

А.В. Луначарский и в этом случае считал своим долгом поддерживать энтузиастов-революционеров. Дух сторонников реформы письменности он укреплял не только своим авторитетом, но и ссылками на В.И. Ленина. В специально написанной по этому поводу статье «Латинизация русской письменности», опубликованной в «Красной газете», Луначарский вспоминал о своем обсуждении этого вопроса с Лениным. О реформе русской письменности последний, по словам Луначарского, высказался так: «Если мы сейчас не введем необходимой реформы – это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины». Удерживало Ленина одно – опасность испортить дело спешкой: «Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский… то мы можем наделать много ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т. д. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно». По свидетельству Луначарского, в течение всего времени, когда он руководил Наркомпросом РСФСР, поступало немало предложений о введении латинского алфавита. Он с одобрением отозвался о работе комиссии Н.Ф. Яковлева, которая уже сформулировала принципы составления нового алфавита, и выразил уверенность в том, что «в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет».

Серьезный удар по таким представлениям был нанесен в 1933 году решениями высших органов власти в СССР о необходимости перевода письменностей советских народов на кириллицу. Принципиальное решение о замене латинского алфавита у малочисленных народов кириллицей было принято комиссией под руководством М.И. Калинина в октябре этого года. По настоянию Марра грузинский и армянский алфавиты тогда же было решено не менять. Вернувшись с заседания этой комиссии в Ленинград 15 октября, Марр заявил спешно созванным сотрудникам: “Имеем неотложное задание – “латиницу” у более сорока советских народов заменить русским алфавитом”. Во время заседания ученого совета Марру вручили письмо от Л.П. Берия. “Будете в Москве, звоните товарищу Сталину, он Вас примет”, – значилось в нем. Приказ сразил академика в буквальном смысле слова – он рухнул на пол. Причиной стала мелькнувшая мысль: Сталин повторит то, что Марр услышал после совещания у Калинина от одного из присутствовавших: “Вы провалили унификацию письма в СССР”.

Однако первое официальное постановление Президиума ЦИК, реализующее эти решения, появилось лишь 1 июня 1935 года. В нем предписывалось перевести на кириллицу письменности народов Севера. Против ускоренной смены алфавитов выступал Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, распущенный в 1937 году. В 1939 году было объявлено, что с ростом культурного уровня народов СССР латинизированный алфавит перестал удовлетворять потребности развития языков, поскольку он не обеспечивал всех условий к сбли-

жению с культурой великого русского народа. Русский язык повсюду изучался в школах в качестве второго языка. Решение об этом было принято в октябре 1937 года на пленуме ЦК партии, а 13 марта 1938 года издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 7 июля этого года «Правда» уже сообщала, что русский язык становится международным языком социалистической культуры, «как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков». В соответствии с постановлением СНК и Центрального комитета партии правительства союзных и автономных республик ввели с нового учебного года обязательное преподавание русского языка в нерусских школах. Латинизированная ранее письменность народов СССР с 1937 года переводилась на русский алфавит. К ноябрю 1939 года уже все народы РСФСР (около 40), пользовавшиеся латинским алфавитом, перешли на русский шрифт. Соответствующие законы принимались и в союзных республиках. Эксперименты по революционизированию языков советских народов были прекращены.

В целом российская история 1920-х и доброй части 1930-х годов свидетельствует, что навязчивая идея мировой революции, владевшая умами властвовавшей тогда элиты, дорого обошлась стране, ее народу. На протяжении всего этого времени не прекращалось шельмование исторического прошлого России, ее традиционной культуры, глумление над патриотическими чувствами народа. «Десятки партийных ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изощрялись в насмешливых проклятьях «русопятам», «русотяпам», «русопетам», «мы расстреляли толстозадую бабу Россию»» и в тому подобных неисчислимых мерзостях. Уродливые формы, рожденные «пафосом космополитизма и псевдоинтернационализма» (А. Толстой), принимало отрицание всего прошлого литературного наследия, стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, вандализм в отношении исторических памятников «проклятому прошлому». Атмосфера в стране была такова, что даже употребление в стихах слов «родина», «отечество», «Россия» считалось предосудительным, старомодным, взятым напрокат у чуждых революционному духу поэтов. Уже вторая половина 1920-х годов убедительно показала, что сулит духовной культуре доведенный до абсурда классовый подход. Врагами объявлялись все, кто не соглашался с антинациональной политикой властей. Псевдоинтернационалистам повсюду мерещился великодержавный шовинизм великороссов, который искоренялся с беспримерной жестокостью. Над подданным бывшей Российской Империи осуществлялся эксперимент по превращению его в некоего *homo cominternicus* – гражданина Всемирного Союза ССР. Собственно СССР рассматривался в программе Коминтерна государством, в котором международный пролетариат впервые обретает отечество и вместе с другой его частью, остающейся за пределами Союза, под руководством единой мировой коммунистической партии борется за установление мировой диктатуры. Своеобразное великодержавие таких устремлений находило выражение в плохо скрываемом желании – схватить за шиворот и сразить весь капитализм, как только мы будем для этого достаточно сильны. Освобождение от экспансионизма такого рода потребовало многих лет.

Глава 2
Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности

Культивирование патриотизма как средства отражения внешней угрозы

Утвердить навсегда характерные для 1920-х годов представления об интернационализме, патриотизме, русском языке, русской истории и ее деятелях не удалось. Отмеченная еще В.И. Лениным полоса «самого резкого расхождения с патриотизмом» оказалась сравнительно недолгой. Социализм в России осуществлялся не по троцкистским установкам, а по сталинским – как «социализм в одной стране». Благодаря этому идея мировой революции наполнялась новым содержанием, предполагая создание царства справедливости на отвоеванной у капиталистов территории. Все большей поддержкой среди народа пользовалась идея превратить Союз ССР в могучую индустриальную державу, способную защитить революцию и оказать помощь зарубежным трудящимся братьям в их справедливой борьбе. Политическая история страны обнаруживает процесс постепенного укрепления позиций большевиков-государственников и оттеснения от руководства космополитов-коммунистов, пораженных болезнью «левизны».

С точки зрения Л.Д. Троцкого, такое развитие было недопустимым отступлением от принципов К. Маркса и В.И. Ленина, возможным лишь благодаря национальной ограниченности их учеников, проповеди ереси «национального большевизма» (отождествляемого Троцким с понятиями «национальный социализм», «национальный коммунизм», «социал-патриотизм»). Современные троцкисты вслед за своим основоположником твердят: «Сталин… выкинул ленинскую программу мировой революции и к осени 1924 года заменил ее националистической ложью “социализма в отдельной стране”»; «Сталин и Бухарин, со своей идеологией “социализма в отдельной стране”, служа нарождавшейся бюрократии, попрали интернационалистский коммунизм Ленина и Троцкого».

Однако нельзя утверждать, что такие ученики В.И. Ленина, как И.В. Сталин и его приверженцы, сразу и во всем изменили учителю. Вплоть до второй половины 1930-х годов в партийной среде были весьма распространены представления о том, что Москва и другие крупные города не могут быть хранителями национальных особенностей, они перемалывают и обезличивают огромное количество национальностей, подобно Нью-Йорку. М.И. Калинин в 1931 году говорил, что у нас в СССР «по существу вырабатывается даже не русский человек, а вырабатывается новый тип человека – гражданин Советского Союза» со свойственным только ему патриотизмом или (по М.Н. Покровскому) национализмом. Ранее (в ноябре 1927 г.) Калинин делал особый упор на то, что «мы – государство, и мы должны сделать советским все население, все население пропитать советским патриотизмом». Своеобразным ориентиром в данном случае могли выступать ведущие буржуазные страны. К примеру, говорил Калинин, «каждый англичанин пропитан английской напыщенностью, он думает, что ничего нет лучше, чем Англия. Вы видите, как буржуазия умеет пропитывать патриотизмом свои государства». Таким образом, можно сказать, что к началу 1930-х годов в СССР существовали зачатки представлений о нации как советском согражданстве и о свойственном ей патриотизме (национализме).

Движение общественной мысли в этом направлении во многом питалось иллюзиями о том, что во второй пятилетке удастся окончательно ликвидировать классы и полностью

уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, а также преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей, превратить все трудящееся население «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Но гораздо более важным фактором, вынуждавшим руководителей советского государства отыскивать дополнительные возможности для сплочения населения вокруг идей с более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда международной классовой солидарности рабочих и союза рабочих и крестьян внутри СССР, стал приход к власти Гитлера в Германии.

Уже 3 февраля 1933 года, на другой день после сформирования фашистского правительства «национальной концентрации», Гитлер заявил на совещании командования рейхсвера, что его первейшей целью является воссоздание мощных вооруженных сил, отвоевание новых рынков сбыта, захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация. Это означало, что в ранг государственной политики страны, которая занимала второе место в капиталистическом мире по индустриальной мощи, возводились цели, давно известные советской и мировой общественности по устным и печатным выступлениям руководителей нацистской партии.

Выдвижение истории и патриотизма на острие государственной политики

Осознание неизбежности войны заставило руководство Союза ССР пересмотреть свои прежние взгляды на роль исторической дисциплины в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать ее как мощное средство целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания патриотических чувств. С марта 1933 года работала комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию нового учебника по истории России и СССР. Первые опыты оказались неудачными. Учебники писались в духе худших традиций национал-нигилистской школы М.Н. Покровского. Через год, 8 марта 1934 года, на совещании историков уже открыто говорилось о необходимости разрыва с «социологизаторством» и возвращении к преподаванию так называемой «прагматической истории». «Нам нужен большевистский Иловайский», – прозвучало на этом совещании. Д.И. Иловайский (1832—1920) был представителем консервативно-охранительного направления в дореволюционной историографии и публицистике и автором популярных учебников по истории для гимназий, широко издаваемых с 1860-х годов.

20 марта 1934 года вопрос об учебнике по истории стал предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро. Подготовленные учебники для средней школы были забракованы. «Что это такое? – спрашивал И.В. Сталин. – “Эпоха феодализма”, “эпоха промышленного капитализма”, “эпоха формаций” – все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится… Нам нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, истории СССР, история колониальных и угнетенных народов». В ходе заседания был сформулирован важный тезис о роли русского народа в отечественной истории. А.С. Бубнов решил уточнить, какой учебник нужен: «История СССР», или «История народов России». Сталин уточнил: «История СССР. Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас». В этой же связи он заявил, что схема Покровского – не марксистская схема, и вся беда пошла от времен влияния Покровского.

По итогам обсуждения были сформированы и утверждены авторские группы по написанию новых учебников по истории. В 1934—1937 годах прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. В его ходе отразилось столкновение национально-рус-

ской и национал-нигилистской позиций. Член конкурсной комиссии Бухарин полагал, что учебник должен содержать описание вековой русской отсталости и «тюрьмы народов». Этапы становления Руси – принятие христианства, собирание русских земель, воссоединение Малороссии с Россией предлагал рассматривать с нигилистических позиций. В проекте учебника, подготовленного группой И.И. Минца, все события делились на революционные и контрреволюционные. Контрреволюционерами были представлены, например, Минин и Пожарский. Воссоединение Малороссии с Россией объявлялось порабощением «украинского народа», а Богдан Хмельницкий изображался реакционером и предателем.

Не дожидаясь итогов конкурса, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 15 мая 1934 года известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В нем содержались указания о подготовке к июню 1935 года новых учебников по истории, о восстановлении с сентября 1934 года исторических факультетов в ЛГУ и МГУ. (Как ни странно, Московский университет получил имя М.Н. Покровского и носил его до тех пор, пока не обнаружилось более достойное – М.В. Ломоносова, присвоенное университету в мае 1940 г.) 9 июня 1934 года ЦК ВКП(б) принял постановление о введении элементарного курса всеобщей истории и истории СССР в начальной и неполной средней школе.

В этот же день опубликованная в «Правде» статья «За Родину!» возводила в ранг высших общественных ценностей понятия родины и патриотизма. Советский патриотизм, «любовь и преданность своей родине», определялся как высшая доблесть советского человека. Честь и слава, мощь и благосостояние Советского Союза провозглашались высшим законом жизни патриотов. Закон предписывалось чтить всем советским людям. Иного выбора им не предоставлялось: «Тот, кто поднимет руку на родину, – значилось в передовице «Правды», – тот, кто изменит ей, должен быть уничтожен».

Власти полагали, что научить «родину любить» поможет, помимо профессиональных пропагандистов и историков, публикуемое в этом же номере газеты от 9 июня 1934 года Постановление ЦИК СССР о дополнениях «Положения о государственных преступлениях» статьями об измене родине. Такой грех, указывалось в статьях, будет караться расстрелом, а недостаточно патриотичные члены семей, способствовавшие измене, знавшие о ней, но не доведшие это до сведения властей, – наказываться лишением свободы от 5 до 10 лет. Неведавшие же об измене члены семьи подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет

Казалось бы, слово «родина», встречающееся в газетной статье в качестве синонима «родной страны» и «отечества», в любом государстве мира способно возбудить интерес разве что досужего стилиста. Но это же слово, возвращенное к жизни в СССР в 1934 году, привлекло к себе внимание едва ли не большее, чем расстрельные статьи положения о государственных преступлениях, в которых оно также фигурировало. Слово символизировало начало нового этапа во взаимоотношениях советской власти и советского общества. Власть давала знать, что перестает считать Союз ССР отечеством исключительно мирового пролетариата и признает его прежде всего отечеством живущих здесь людей. Для народов СССР слово это стало добрым предзнаменованием, означавшим если не отказ, то хотя бы некоторое отступление властвующего режима от революционного утопизма и авантюризма. Передовица «Правды» вселяла надежду на то, что правящие круги впредь в своей внутренней и внешней политике станут руководствоваться национальными интересами русского и объединенных с ним других народов страны.

Оппоненты тогдашней ВКП(б) – изгнанные за границу меньшевики и троцкисты и их сторонники внутри СССР – появление слова «родина» (писавшегося пока еще со строчной буквы) в лексиконе большевиков расценили как лишнее доказательство контрреволюционного перерождения сталинского режима. Меньшевистский журнал «Социалистический вестник» (издавался в Берлине с 1921 г.) в номере от 25 июня 1934 года откликнулся на

событие в СССР собственной передовицей. Ее заголовок повторял название правдинской статьи, но был приведен в кавычках. Уже одно это могло выражать сложную гамму чувств авторов журнала: изумленное непонимание, сожаление, неприятие, осуждение.

Авторы отклика были, конечно, правы, утверждая, что новый призыв большевиков есть свидетельство «лихорадочной предвоенной атмосферы, в которой уже живет весь мир», и руководители СССР в этих условиях решили прибегнуть к крайнему средству – замене ставшего уже традиционным для большевиков «социалистического отечества» давно сданной в архив «родиной». Слова и лозунги социально-политического словаря, опять же во многом верно отмечал орган меньшевиков, «имеют помимо своего логического и вещного смысла – эмоционально-психологический. Этот смысл неразрывно срастается с ним в ходе их исторического развития, в процессе того применения и использования, которое выпадает на их долю, как идеологических орудий в отнюдь не идеологической борьбе групп, классов, наций, государств, и его не могут вытравить никакие, логически самые безупречные комментарии. В массовом восприятии они, вопреки всем комментариям, сохраняют вполне определенное эмоционально-психологическое звучание, и только на это звучание могут рассчитывать те, кто бросает их в массы».

Именно поэтому меньшевики считали невозможным ни при каких условиях реабилитировать слово «родина», которое, по их утверждениям, навсегда «дискредитировано в революционном и социалистическом сознании». Напоминалось, что это слово было знаменем белогвардейцев в их борьбе против революции. Меньшевики предостерегали своих более удачливых соперников, что возвращение «родины» в политический лексикон может означать устранение специфически революционного содержания понятий «социалистическое отечество» и «советский патриотизм», что они бросают в массы призывы, «буквально повторяющие лозунги правительств нереволюционных и контрреволюционных и так же апеллирующие не к революционно-социалистическому, а к географически-националистическому, “зоологическому” патриотизму».

Меньшевики пугали далее, что словом «родина» большевистская диктатура сама вызывает из толщи народной тех духов, которые несут смерть не только ей, но и революции. Меньшевистский журнал утверждал, что одержать победу в войне СССР может лишь как страна революции, трудящиеся массы которой защищают не «честь и славу» той «пяди земли», на которой они сидят, не «мощь» нации, к которой они привязаны рождением, а те новые формы общежития, которые рождаются социализмом. Иначе говоря, меньшевики пытались отговорить большевиков от намерения вести предстоящую войну как войну «национально-патриотическую», а не «народно-революционную», предлагая делать ставку исключительно на «единство мирового пролетариата». Если бы авторы «Социалистического вестника» решили при этом опереться на авторитет Ленина, они могли напомнить его установку. Пролетариат должен интересоваться судьбами стран «лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах социал-демократа “патриотизма”».

Л.Д. Троцкий в своем «Бюллетене оппозиции» как «большевик-ленинец» также осудил «большевиков-сталинцев» за их поворот 1934 года. Поворот этот якобы означал, что в СССР «курс на международную революцию ликвидирован вместе с изгнанием Троцкого», что сторонники Сталина просто забывают обо всем остальном мире: они действуют, думают и чувствуют только «по-русски», что в СССР завершился процесс, давно развивавшийся по нисходящей линии – «от революционного патриотизма к национал-реформизму». Приверженцы подобных оценок и спустя десятилетия стояли на своем: коммунизм-де по своей сути космополитичен, ему предки не нужны, кампания против космополитов осуждалась как выступление против коммунизма, обращение к русскому патриотизму считалось недопустимым даже во время войны.

В августе 1934 года И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров решили содействовать скорейшему написанию новых учебников по истории. Они подготовили «Замечания» о конспектах учебников по «Истории СССР» и «Новой истории». Замечания были незамедлительно одобрены Политбюро ЦК и доведены до сведения историков, участвовавших в создании учебников. Таким образом, на протяжении 1930—1934 годов определился курс на превращение СССР в родину советских патриотов. В качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ. По сталинской футурологии, русские должны были стать своеобразным цементом «зональной» группы народов и превратить ее в одну из переходных форм на пути к безнациональному человечеству.

Развенчание Энгельса

В июле 1934 года Сталин отважился на выражение несогласия с самим Ф. Энгельсом. Он усомнился в искренности его интернационализма, усмотрев в его работах 1890—1891 годов ошибки такого же свойства, что и у Д. Бедного. А произошло это так. В.В. Адоратский, один из тогдашних «выдающихся» историков-марксистов, подготовил к публикации в «Большевике» русофобскую статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890).

Сталин воспротивился. Он написал целый трактат для членов Политбюро, доказывая нецелесообразность помещения статьи в главном партийном журнале. В этом случае ее стали бы рассматривать как «руководящую», а она не такова и представляет собой всего лишь «памфлет против русского царизма», в котором Ф. Энгельс, явно увлекаясь, грешит против истины, переносит ответственность за деяния царизма на русский народ. «Опасность мировой войны, – значилось в этой статье, – исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве займется своими собственными жизненными интересами внутри страны».

Далее в сталинском письме подчеркивалось, что русская история, внешняя политика правителей России «со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополии русских царей… Завоевательная политика также присуща – не в меньшей, если не в большей степени – королям и дипломатам всех стран Европы». (Это, помимо всего прочего, имеет непосредственное отношение и к известному тезису Покровского об «абсолютном зле» в истории, и к положению о России как «тюрьме народов», в сравнении с которой многие страны Запада по результатам их многовековой национальной политики заслуживают наименования «кладбища народов».)

Самым же неприятным для всех ультраинтернационалистов было обвинение Сталиным Энгельса в обыкновеннейшем немецком национализме, ибо в письме на имя Августа Бебеля в 1891 году он прямо утверждал, что грядущую войну буржуазной Германии с царской Россией следует рассматривать не империалистической, не грабительской, не антинародной, а освободительной. «Победа Германии, – писал Ф. Энгельс, – есть, стало быть, победа революции… Если Россия начнет войну, – вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!» (Большевик. 1941. № 9).

Развенчание одного из классиков, без сомнения, было явным признаком отхода от некритического ультраинтернационализма, безраздельно властвовавшего над умами главных идеологов в СССР. Имя Маркса, не скрывавшего неприязни к России и славянским народам, тогда названо не было. Ценный обзор замалчивавшихся работ К. Маркса, исполненных такой неприязнью, выполнен историком русского зарубежья Н.И. Ульяновым (1969). Одна из таких работ К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» впервые полностью на русском языке опубликована только под занавес «перестройки» (Вопросы истории. 1989. № 1—4).

Почему бухаринская трактовка общности советских людей была не принята властью

Реакция на реабилитацию понятий «родина» и «патриотизм» в СССР тоже была неоднозначной. Два года спустя после издания знаменитой правдинской статьи «За родину!» заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль вынужден был дать жесткую установку тогдашним СМИ: «Кое-кто думает еще, что слово “патриотизм” – не наше слово, что оно не сочетается со словом “советский”. Это – глубочайшая ошибка, которую должна рассеять наша печать».

Одну из важнейших ролей в исправлении подобных «ошибок» и в утверждении новых советских идеологем должен был, видимо, сыграть Н.И. Бухарин. В феврале 1934 года он получил назначение на пост ответственного редактора газеты «Известия» и контролировал ее вплоть до августа 1936 года (официально числился редактором до 16 января 1937 г.). Будучи арестованным, писал Сталину 10 декабря 1937 года, что «в связи с предвоенным временем» ему стала вполне понятной «*большая и смелая политическая идея* генеральной чистки» от всех «а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально подозрительных». Страстно желая остаться среди чистящих, Бухарин соглашался быть высланным в Америку, уверял, что проведет там «кампанию по процессам, вел бы смертельную войну против Троцкого… вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом». За период редакторства «Известий» Бухарин поместил на страницах газеты немало своих статей, напрямую связанных с осмыслением изменений в жизни советского государства и общества, с сущностью рожденных социализмом «новых форм общежития», с выработкой новой национально-государственной идеологии.

Уже в одной из первых публикаций нового ответственного редактора читателей «Известий», в том числе и оппонентов из «Социалистического вестника» и «Бюллетеня оппозиции» (а главное, их возможных сторонников в СССР), заверяли, что СССР остается государством, в котором пролетариат впервые обрел «свое отечество», сиречь «свою пролетарскую родину». Процесс рождения последней предлагалось рассматривать как процесс завоевания пролетарского отечества и борьбы за государственную власть, сопровождающиеся «крупнейшими перегруппировками классов и огромными идеологическими сдвигами». Само понятие родины наполнялось при этом конкретным и все более многообразным содержанием. Бухарин предлагал различать сначала «идею» пролетарской родины, потом ее «первые исторические наброски», затем «первые фазы ее реального развития» и, наконец, социалистическую родину как «огромный полнокровный организм». Вместе с тем автор успокаивал не в меру огорченных приверженцев старых догм, заверяя, что любовь к родине, равно как и советский патриотизм, «не есть зоологический расизм, шовинистическое мракобесие, глупая национальная ограниченность и тупоумие буржуазных патриотов. Это есть любовь к труду, культуре, историческому будущему человечества, любовь к самым благородным идеям века». Главное – «советский патриотизм есть доблесть всего международного пролетариата, который хочет победить и который победит наверняка» (Известия. 1934. 6 июля).

Новое соотношение сил, возникшее с появлением на международной арене гитлеровского политического режима, стало основой бухаринского прогноза развертывания последующих событий планетарного масштаба. Ответ на вопрос, каким будет мир, для Бухарина не представлялся сложным и был дан в характерном для автора трагедийно-оптимистическом духе. Он писал, что «сейчас претендентами на власть, окончательную победу являются лишь фашизм и коммунизм». Либерально-демократические силы всех видов виделись им как находящиеся в положении наименьшего исторического «благоприятствования». Победа коммунизма в предстоящей «циклопической борьбе гигантов» не вызывала у автора ника-

кого сомнения. «СССР не боится войны, – заявлял Бухарин, возвращаясь к этому вопросу некоторое время спустя. – Не боится постольку и в том смысле, что считает свою победу обеспеченной. <…> Великие завоевания социалистической страны, сплоченность народных масс, единство партии, качества великолепного руководства сыграют свою решающую роль». В случае если дело дойдет до войны, то стареющий капитализм никак не сможет выиграть сражение. После же того как «засияет красная звезда по всей земле», по уверениям Бухарина, «все процессы мировой стройки пойдут гораздо быстрее, чем шли у нас: будет взаимная помощь, не будет никакого “окружения”, могучая техника взлетит на огромные высоты»; «мировая община коммунизма осенит своим крылом все страны»; прошлое сохранится в «организованной памяти человечества» лишь как эпоха варварства, вспоминать о которой человек будущего станет с чувством благодарности к «тем смелым, что смели капитал: пролетариям – простым и благородным героям».

Таким образом, было найдено ключевое понятие, послужившее в дальнейшем основой представлений о сущности той общности людей, которая, согласно Н.И. Бухарину, оформлялась в Советском Союзе в 1930-е годы. В передовой статье «Известий» от 27 января 1935 года о ней было сказано: «Трудящиеся массы Союза разных национальностей сплотились в героический народ нашей страны». СССР представлялся теперь Бухариным как носитель «великой идеи целостного человечества, в котором не будет классов и в котором все народы, все нации будут объединены в едином организованном обществе коммунизма». В более конкретном плане СССР рассматривался как «уже новый мир, мир братства, составная часть будущей всечеловеческой общины», знаменующая второе рождение человечества – «не как биологического вида, а как единого и целостного человеческого общества».

В обстановке своеобразного головокружения от успехов на самых различных направлениях перестройки страны в 1934—1936 годы из уст отечественных влиятельных политиков прозвучало немало прокламаций, явно завышавших уровень реальных достижений. Г.Е. Зиновьев, представляя в апреле 1934 года читателям сборник статей и речей И.В. Сталина по национально-колониальному вопросу, утверждал, что «теперь национальный вопрос в СССР разрешен, и наше разрешение этого вопроса служит великим образцом для всего мира». Секретарь ЦИК А.С. Енукидзе, обосновывая необходимость пересмотра Конституции СССР, заявил в феврале 1935 года: «К VII съезду Советов Союза ССР наша страна пришла с огромными победами. Социализм победил окончательно и бесповоротно». Секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский доложил то же самое в августе 1935 года Всемирному конгрессу 3-го Интернационала: «Между VI и VII конгрессами Коммунистического Интернационала произошло крупнейшее в жизни народов событие – окончательная и бесповоротная победа социализма в СССР». Выступая в июне 1935 года с речью на сессии ЦИК Татарской АССР, член Политбюро А.А. Андреев отметил череду празднования в СССР юбилеев и «огромных успехов», достигнутых национальными областями и республиками. «Мы вправе сказать, – заявил он в этой связи, – что национальный вопрос в нашей Советской стране может считаться окончательно решенным. Мы его решили не только для себя, но дали образцы решения национального вопроса и для рабочих других стран в грядущей мировой пролетарской революции» (Известия. 1935. 6 июля).

В полном соответствии с духом времени Н.И. Бухарин находил тогда явно устаревшим и смешным гоголевское уподобление России птице-тройке, которая быстро мчится в неизвестную даль. Нет, восклицал Бухарин, «она мчится на сверхмощных паровозах! И она имеет определенный маршрут: она идет к станции, имя которой – великая мировая коммунистическая община». Он утверждал также, что в стране складывается «настоящая и истинная человеческая культура» и, главное, – здесь вырастает новая историческая общность людей. В наиболее развернутом виде представления о ней изложены в специальной статье под названием «Героический советский народ», опубликованной 6 июля 1935 года.

Новая общность, утверждал Н.И. Бухарин, вырастает на основе обобществления производства и новых отношений собственности; «мы движемся к бесклассовому обществу»; «идет великое объединение творческих сил общества»: колхозное крестьянство в своем общественном бытии, а, следовательно, все более и более и в своем общественном сознании, приближается к рабочим. Эти классы вместе с интеллигенцией и другими социальными категориями «необычайно быстро и плотно объединяются на базе растущего единого социалистического хозяйства». На этой же базе идет объединение и по второй линии – «по линии все более и более тесного единства между трудящимися разных национальностей: единство цели, единство руководства, единство планового хозяйства, колоссальное возрастание реальных связей – хозяйственных и культурных, – все это приводит к необычайному сплочению народов, развивающих свою (ибо национальную по форме) и в то же время общую (ибо социалистическую по содержанию) культуру». Объединение творческих сил по этим двум линиям в итоге и порождает новую общность. «Так, – резюмирует Бухарин, – вырастает новая реальность: «героический советский народ», многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции с “головной” своей пролетарской частью, переделывающей всех по образу своему и подобию». Процесс этот, считал нужным специально отметить создатель концепции новой общности, еще не подошел к своему завершению, «ибо есть остатки старых порядков» в экономике и в сознании людей.

В последующих работах, констатируя появление все новых и новых факторов и примет ускоряющегося сплочения советского общества, Н.И. Бухарин писал, что процесс формирования новой исторической реальности приобретает более законченные очертания. Подводя итоги «революционного» 1935 года, он вновь отметил, что на основе необычайно быстрого сближения колхозного крестьянства с рабочим классом, гигантского роста новой интеллигенции, высокого подъема национальных республик и областей, расширения связей между народами вкупе с «неслыханно быстрым развертыванием великой демократии» «сам собой получается вывод об образовании в новом смысле, как более или менее однородной величины – советского народа, совокупности работников социалистического общества, превращающегося в общество бесклассовое». В статье от 1 мая 1935 года Бухарин вновь пишет об «огромной исторической истине» по поводу того, что «целое» впервые создается в СССР: «Хозяйственное единство – социалистическое народное хозяйство – с точки зрения классов, означает растущее единство масс, решительное сближение между пролетариатом, крестьянством, служащими (в том числе с интеллигенцией), и таким образом «создается у нас единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория. С другой стороны, на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей, создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при росте национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы наций». Наконец, в одной из своих последних статей, опубликованной 14 июня 1936 года после полуторагодичной разработки темы, Н.И. Бухарин пришел к констатации: «У нас впервые вырос целостный народ, единый и суверенный, консолидированный и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)».

Конкретизируя этот вывод, редакционная статья «Известий» утверждала, что основные перемены в отношениях между нациями в СССР и завершающий этап становления новой общности приходятся на последние три года. «С 1934 года не только произошло сближение между рабочими, крестьянами, интеллигенцией, но и между народами Союза. И по линии классов, и по линии наций произошло громадное сплочение всех в единый многонациональный советский народ, общая родина которого – СССР». В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции газета публиковала предложения читателей узаконить представления о советской нации. «А еще лучше, – значилось в одном из писем, – если у

нас будет нарождаться новая национальность – советская национальность. Это самый правильный и почетный выход из положения». В последней из своих статей Н.И. Бухарин провозглашал, что «*пролетариат* стал носителем идеи *нации*, *интернационализм* понес знамя *национальных* культур», а в СССР «история сложила первый, громадной прочности, массив междунационального социалистического товарищества» (Известия. 1936. 6 июля).

Однако Н.И. Бухарину не удалось стать признанным родоначальником теории новой общности, хотя все основания для этого были налицо. Дело в том, что героический советский народ в его понимании возникал, в сущности, на отрицании национальных традиций и ценностей народов, на месте якобы аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, на месте многонациональной России, способной вызывать, по Бухарину, лишь презрительное удивление: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабощенных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная “лень”! Эта неразбериха, безалаберщина, отсутствие элементарного порядка!» (Известия. 1936. 21 января).

В этой связи становится особенно понятным выступление Н.И. Бухарина против поэтов Павла Дружинина и Сергея Есенина в поистине «Злых заметках», опубликованных в «Правде» 12 января 1927 года. Демонстрируя крайнюю степень классового шовинизма, Бухарин не мог простить П. Дружинину простой констатации факта: «О, Русь чудесная! Жива ты, / Как живы русские блины». С возмущенным изумлением литературовед из Политбюро отнесся и к строчкам: «Своя земля как кладень древний. / Над ней кочуют свет и мрак. / И в каждой хате есть царевна, / И в каждой улице дурак. / На них цветные сарафаны / И залихватские штаны… / На кой же чорт иные страны, / Кромя советской стороны!»

С готовностью согласившись с поэтом насчет дураков и их изобилием на Руси, «литературовед» отметил не только стилистические ошибки стиха, но и фактические. Царевны, дескать, «потеряли популярность в народе», посему «в свое время были немного перестреляны». А сквозящее в стихах настроение, что-де неплохо было бы заняться сохранением исконных ценностей России и обустроить ее по-человечески, вместо того чтобы осчастливливать другие страны, было расценено Н.И. Бухариным как покушение на святая святых – саму идею мировой революции.

Позиция поэта была квалифицирована с пролетарской прямотой. Ему, как и всем другим «господам, неумеренным потребителям блинов», было заявлено: «Это уже не только “национальная ограниченность”, это просто-напросто шовинистическое “свинство” и “юродство”, которое входит как составная часть в «совокупную идеологию новейшего национализма “а ля мужик рюсс”». В этом же ключе оценивалось и творчество Сергея Есенина. «Идейно Есенин, – по Н.И. Бухарину, – представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»… обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще», которое опять же проявляется «под колпаком юродствующего квазинародного национализма». В оценке Есенина как националиста бухаринская позиция вполне совпадала с троцкистской. (Л.Д. Троцкий не мог простить поэту слов, оброненных им однажды за столиком в берлинском ресторане, что, мол, «не поедет в Россию, пока там правит Троцкий —

Бронштейн». Именно эти «националистические» слова и стали, как полагают современные есениноведы, причиной убийства поэта в Ленинграде 24 декабря 1925 г.) Талант национального русского поэта для деятелей типа Троцкого и Бухарина был своего рода отягчающим обстоятельством. Именно из-за своего таланта С. Есенин становился особенно вредным и нетерпимым, поскольку талантливо воспевал не «великие образцы борьбы за свободу и социализм», а совсем иное – якобы наше «рабское прошлое».

Вероятно, у Н.И. Бухарина мог также быть и сугубо личный мотив присмотреться внимательнее к поэзии Есенина. Дело в том, что 16 ноября 1924 года в тифлисской газете «Заря

Востока», а вскоре и в московском журнале «Прожектор» (1925. № 2) появились первые публикации есенинского стихотворения «Русь бесприютная». В 1926 году оно было включено во второй том «Собрания стихотворений» Есенина. Поэт вспоминает в нем недавнюю братоубийственную Гражданскую войну – «эту дикость подлую и злую», которая помимо всего прочего обездолила, превратила в беспризорников сотни тысяч детей. *«Мальчишки лет семи-восьми* / *Снуют средь штатов без призора* / *Бестелыми корявыми костьми* / *Они нам знак* / *Тяжелого укора».* В иных условиях, говорит Есенин об этих беспризорниках, снующих между советскими республиками (штатами), «то были б тысячи / Прекраснейших поэтов», и продолжает: «В них Пушкин, / Лермонтов, / Кольцов, / И наш Некрасов в них, / В них я. / *В них даже Троцкий,* / *Ленин и Бухарин.* / Не потому ль моею грустью / Веет стих, / Глядя на их / Невымытые хари».

Нарочитая двусмысленность стиха бросала тень на трех политических олимпийцев страны, в особенности – на Н.И. Бухарина. Как известно, рифма имеет и смысловое значение. Возвращая читателя к определенной строке, она выделяет и ассоциативно связывает срифмованные слова, усиливая их смысловую роль. Этим стремлением к увеличению выразительности, смысловой насыщенности стиха и вызвана эмоционально заостренная рифма «Бухарин – хари». Не исключено, что знаток и ценитель поэзии Н.И. Бухарин, сознавая силу воздействия рифмы на читателя, не мог оставить ее без внимания. Возможно, эта деталь также сыграла свою роль в формировании отношения политика к поэту. По крайней мере, приличных слов в его адрес в «Злых заметках» Бухарин явно не выбирал. В публикациях произведений Сергея Есенина с 1926 по 1990 год выделенные выше строки не приводились и даже положенные в таких случаях отточия в текстах не ставились.

Выступая 26 января 1927 года с речью на XXIV Ленинградской губпартконференции, Н.И. Бухарин в разделе «Наша политика в национальном вопросе» вновь отметил «главную опасность»: «Я больше всего должен сказать о великорусском шовинизме. Недавно мне случилось в «Правде» выступить против Есенина, потому что значительная часть нашей литературы в настоящее время прямо вопит на “истинно русский” лад». Эти и подобные откровения Бухарина в наше время широко представлены в печати, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Вряд ли можно принимать их просто как некие «призрачные хулы на покойного Николая Бухарина за (покойного же) Сергея Есенина». Значимость их важнее.

Бухаринское клеймо на имени поэта проступало довольно долго. Поэты есенинского круга подвергались репрессиям на протяжении всех 1930-х годов. Ныне эти мрачные страницы отечественной культуры включены в книгу С.Ю. и С.С. Куняевых «Растерзанные тени» (1995). Нелишне напомнить также, что в 1949 году Секретариат ЦК ВКП(б) уволил директора издательства «Советский писатель» Г.А. Ярцева, в вину которому было поставлено включение в издательский план 1949 года около трех десятков книг, названных «идейно-порочными». В их числе фигурировал и сборник избранных произведений С. Есенина. Тем не менее можно утверждать, что в основном «реабилитация» есенинской поэзии (как и многих других величайших русских национальных ценностей) произошла в годы Великой Отечественной войны. Гораздо раньше обнаружилась несостоятельность бухаринских оценок поэта и голоса родной русской земли, звучащего в его стихах. По крайней мере, к 1936 году Н.И. Бухарин как большевик стал уже явно «неактуален» из-за своей «негибкости» в русском вопросе. Именно тогда он был впервые и самым грубым образом одернут за «ошибку», которая до недавнего времени никому не ставилась в вину – за откровенную русофобию, что, впрочем, было сделано своевременно: на горизонте маячила война, и такое непочтение к народу, получившему уже с высочайшего сталинского соизволения титул «первого среди равных» советских народов и «великого», становилось явным анахронизмом, ибо, как указала «Правда» от 1 февраля 1936 года, «ненависть к русскому народу включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому». Отныне коммунистам не подобало трак-

товать историю в духе «левацкого интернационализма» (именно это словосочетание было выбрано для определения сущности бухаринской теории) и нерасчетливо «отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Как в этой связи не вспомнить Ф.М. Достоевского, написавшего в свое время: «Стать русским значит перестать презирать народ свой».

Подобные же коррективы вносились и в отношение к русскому художественному наследию. «Советским художникам, – давала новую установку "Правда" (1937. 13 августа), – следует помнить, что интернационализм "интернационализму" рознь. Один из них, подлинный ленинско-сталинский интернационализм, основан на чувстве национальной гордости художника своим народом, то есть тем вкладом, который этот народ тоже вносит во всемирное дело борьбы за социализм. И есть другой "интернационализм", левацко-нигилистический, основанный на чувстве полного равнодушия и презрения к народу своей нации. Художник, исповедующий такой, с позволения сказать, "интернационализм", ратует за безнациональное искусство, искусство "вообще" просто потому, что ему одинаково безразлична и чужда героическая борьба как своего, так и остальных народов. Этот анархический безнационализм "Иванов, не помнящих родства" основывается на отказе художников от демократических и социалистических элементов национальной культуры своего народа, на отказе от лучших традиций русского реалистического искусства и присущ формализму». В частности, резкой критике была подвергнута позиция «авербаховского приспешника» А. Михайлова, утверждавшего в ходе дискуссии по вопросам искусствознания, что «ни о каком спецификуме национального искусства не может быть и речи», и, к примеру, в условиях начала 1930-х годов, «в области русского населения нет национального искусства. Искусство там развивается не в форме национального, великорусского искусства, оно развивается в формах тех художественных выражений, которые имеются у нас вообще, – скажем, – пролетарское искусство, мелкобуржуазное искусство и т. д.». «Правда» призывала русских советских художников отбросить подобное «левацко-нигилистическое отношение к истории своего народа и его культуры».

Будущность наций и Конституция 1936 года

Сталин, по сравнению со многими другими наследниками дела Ленина в России, оказался в состоянии в наибольшей степени освободиться от врожденной русофобской болезни. Преодоление национальных различий в обстановке 1930-х годов он видел иначе, чем, к примеру, Н.И. Бухарин. В отличие от последнего Сталин ничего не писал о новой общности или новой нации, но поступал в соответствии со своим видением пути к «светлому будущему». 18 марта 1929 года он закончил работу над статьей «Национальный вопрос и ленинизм», в процессе создания которой пришел к выводу о том, что в будущем, прежде чем национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку, сначала будет происходить их объединение вокруг «зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком». Сталин, однако, посчитал тогда несвоевременным публиковать это откровение, хотя возможности такие у него имелись. По-видимому, причина заключалась в том, что вывод Сталина по существу мало чем отличался от положений, критиковавшихся им самим у Троцкого, Зиновьева, других представителей «левацкого интернационализма» и весьма сомнительных, на наш взгляд, «уклонистов к великодержавному шовинизму».

Новое качество в общности советских народов было отмечено в связи с выводом о завершении перехода к социализму и принятием Конституции СССР 1936 года. По Сталину, она стала результатом уничтожения эксплуататорских классов, «являющихся основными организаторами междунациональной драки», наличием у власти класса – носителя

идей интернационализма; фактического осуществления взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, результатом расцвета национальной культуры народов СССР. «Изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства». Подчеркивалось далее, что в отличие от буржуазных конституций, в основе своей являющихся «националистическими, т. е. конституциями господствующих наций», новая Конституция СССР, наоборот, – глубоко интернациональна. Она исходит из того, что все нации и расы равноправны и независимо от их прошлого и настоящего положения наделены «одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества».

Обращает на себя внимание, что Конституция СССР 1936 года и конституции союзных республик, принятые на ее основе, не упоминали о национальных меньшинствах, о существовавших в то время национальных районах и сельсоветах. Исключение составляла Конституция Узбекской ССР, особо выделявшая среди районов республики два национальных района: казахский – Верхне-Чирчикский и казахо-каракалпакский – Кенимехский. Все остальные союзные и автономные республики такого выделения не делали. Ожидалось же, что по новой Конституции союзные республики помимо автономных республик и областей будут иметь в своем составе десятки национальных округов и районов (Революция и национальности. 1936. № 10). Ничего не говорилось и о политике «коренизации», которой придавалось большое значение на предыдущем этапе развития. Сталин объявил, что в Советский Союз входило «около 60 наций, национальных групп и народностей», несмотря на то, что перепись населения 1926 года фиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране. Все это не могло не говорить о коренном изменении политики в отношении национальных меньшинств и малых народов. Поощрявшийся ранее процесс развития национальных меньшинств, их языков и культуры направлялся в новое русло.

В начале 1936 года пресса отмечала большие успехи на языковом фронте строительства социалистической культуры, выразившиеся, в частности, в переходе на латинизированный алфавит 68 национальностей, или 25 млн. советских граждан. Подчеркивалось, что Сталин с самого начала работы по созданию нового алфавита давал важнейшие руководящие указания по организации этого дела. Для развития успеха президиум Совета Национальностей ЦИК СССР предлагал созвать всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР и рассмотреть на нем широкий круг проблем, связанных с развертыванием работы по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработки орфографии, терминологии и словарей, с подготовкой языковедческих кадров в центре и на местах. Однако И.В. Сталин и В.М. Молотов неожиданно выступили против созыва совещания.

Более того, в мае 1936 года отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии предложил осудить латинизацию как «левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского», поскольку «враги» использовали ее для отрыва трудящихся национальных республик и областей от общей семьи народов СССР: «Прикрываясь разговорами о “международном характере” латинской основы, они отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Западной Европы» (Источник. 1994. № 5). В феврале 1937 года секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР прямо заявил, что наша задача – «это сближение алфавитов и даже родственных диалектов и языков отдельных национальностей», и прояснил в этой связи смысл оценки количества наций, прозвучавшей во время принятия новой Конституции: «Сталин указал, что в Советский Союз входят около 60 наций, национальных групп и народностей. Мы же во ВЦКНА только на латинской основе имели 71 алфавит. Видимо, в деле латинского алфавита кое-что есть по отношению к малым народностям надуманного и вредного, что не

сближает малые национальности с основными народами, а разъединяет и отталкивает их». В результате появилось постановление Политбюро от 2 июля 1937 года, ликвидировавшее Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (основан в 1925 году для осуществления языковой политики), как учреждения, выполнившего свою задачу.

Новая Конституция уже не рисовала перспективу превращения СССР в будущем в мировую республику. Она исходила из представлений об отечестве, суженном до реальных границ государства. Отношение к его прошлому резко менялось. Этот поворот был явно обозначен в год принятия Конституции. В начале 1936 года Бухарин, живописуя в «Известиях» блеск большевистских достижений в перестройке страны, привычно пытался усиливать их сопоставлениями с позорной отсталостью дореволюционной России, темнотой и убогостью ее народов. «Нужны были именно большевики… чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата!»

Упражнениям такого рода, начатым в свое время с легкой руки Ленина, было решено положить конец. Бухарина поправили так, будто решили провести через строй перед всей страной. Приговор, предрешавший судьбу этого политического деятеля, был вынесен на страницы центральной партийной газеты. Передовая статья редактировавшейся Л.З. Мехлисом «Правды» от 30 января 1936 года гласила: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции “обломовщина была самой универсальной чертой характера”, а русский народ был “*нацией* Обломовых”». Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, – такой народ называть “нацией Обломовых” может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит». Бухаринская статья была отождествлена с фашистской писаниной «в доказательство того, что русские даже не люди», и с ненавистью, которая «в первую очередь направляется на русский народ» именно потому, что клеветники великолепно понимали реальную роль этого народа в борьбе за превращение России в «великую пролетарскую державу».

В свое оправдание Бухарин писал Сталину: «Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую политику, готовишь страну к великой победе, хочешь опереться на все достойное – в том числе и на великие национальные традиции. Поэтому особенно тебя резанула “нация Обломовых”. Я же, как объяснял, хотел особо подчеркнуть и *национально*-освободительную роль большевизма и рабочего класса. Нехорошо сделал» (Исторический архив. 2001. № 3). Однако, пытаясь исправиться, он уже не мог сойти с наезженной колеи. В новой передовой статье редактируемой им газеты звучали старые мотивы: «Еще недавно имя “русский” было равнозначащим имени жандарма, попа, карателя, купца-обиралы, было нарицательным именем политики, несущей голодную смерть, болезни и вымирание, гибель национальной культуры», и только теперь оно «стало близким и братским именем передового отряда борцов за социализм». «Правда» (1936. 10 февр.) снова вознегодовала: «Разве “русский” вообще (русский народ?) был для трудящихся других народов “равнозначащим имени жандарма”», разве он не боролся против жандармов? Утверждалось, что «в таком тоне о русских (вообще, в целом) говорили петлюровцы, дашнаки, грузинские меньшевики и федералисты, мусаватисты, алаш-ордынцы и т. п.».

«Правда» призывала преодолеть «”левацкий интернационализм”, непонимание того, что коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Дело изображалось таким образом, будто «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет».

Однако тут же переносился акцент на предстоящую фазу этой борьбы: «Мы разгромим все гнилые, антиленинские концепции, клеветнически извращающие наше прошлое». Концепция, которую предстояло создать и утвердить, должна была отражать «богатый, полный глубокого содержания исторический путь, вписавший столько славных страниц в историю человечества». Хорошо знать «замечательную», как подчеркивалось, историю страны было необходимо, чтобы «со всей сознательностью любить свою великую Родину».

История должна быть великим оружием в борьбе за государственные интересы

Противостояние «Известий» и «Правды» в трактовке истории русского народа приобретало особое значение, поскольку вплеталось в контекст решения более масштабной задачи об исторической науке и историческом образовании в стране. 27 января 1936 года газеты напечатали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании специальной комиссии под руководством Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы также «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8 августа 1934 года. Передовица «Правды», разъяснявшая смысл этих документов, призывала историков к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе и в конкретной картине русской истории», к ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полуцентристских идей и троцкистской контрабанды». СНК и ЦК указывали, что «задача преодоления этих вредных взглядов» имела «важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». «Пришло время… – писал в том же номере газеты один из членов конкурсной комиссии, – чтобы мы дали нашей молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм».

Знаком решительных перемен на историческом фронте стала ликвидация Коммунистической академии, возглавлявшейся ранее Покровским. К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы (С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.И. Пичета, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и др.). Выученики «школы Покровского» (Н.Н. Ванаг, А.Г. Пригожин, С.Г. Томсинский, Г.С. Фридлянд и др.), не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы. Основание «национальной» школы советских историков связывается с именем ученика В.О. Ключевского академика Б.Д. Грекова, возглавлявшего академический институт истории в 1937—1953 годах.

Новизна «подлинной» концепции была связана с трактовкой места и роли русского народа в отечественной и мировой истории. Уже первая статья-отповедь Бухарину утверждала: «Трудящиеся всех наций Советского Союза на деле знают, какую огромную помощь оказал им великий русский народ. Они идут с ним рука об руку по одному пути, к одной цели». Тема эта развивалась в последующих статьях: «Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда; все они – от самых маленьких до самых больших – полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед и до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика». «Наш великий народ, давший такие блестящие образцы борьбы за освобождение человечества… занимает почетное место в братской семье трудящихся всех стран… На его богатейшей истории будут воспитываться многие поколения борцов за мировой коммунизм» (Правда. 1936. 1, 10 февраля).

Чем были нехороши «Богатыри» Демьяна Бедного

На протяжении 1936-го и последующих лет «Правде» и другим центральным изданиям приходилось не раз обращаться к русской теме и по другим поводам. В канун принятия новой Конституции СССР значимость новой исторической концепции была наглядно продемонстрирована в случае с постановкой А.Я. Таировым в Камерном театре Москвы пьесы Д. Бедного «Богатыри». Герои былинного эпоса были выведены в спектакле в карикатурном виде. В сниженных комедийных тонах изображался князь Владимир и его дружина. Шаржировано нарисован княжеский двор и постоянно пьяные «застольные» богатыри из княжеской дружины, противопоставляемые богатырям настоящим – Илье, Добрыне. Положительными героями в комедии сделаны разбойники – Угар и его друзья из беглых крестьян. Интрига спектакля сводилась к приключениям витязя Соловья, который вместо княжны Забавы похищает княгиню Рогнеду, к сатирически изображенной женитьбе Владимира на болгарской княжне и к победе Угара с товарищами над Соловьем и богатырями из княжеской дружины.

В духе антирелигиозных кампаний 1920-х годов в спектакле было представлено крещение Руси. По тексту либретто, написанного Демьяном Бедным, князь только что крестил Русь. В отечественной истории это было несомненным шагом вперед в сравнении с язычеством. В спектакле же, согласно устоявшимся вульгарно-атеистическим канонам, событие подавалось в издевательском духе, как якобы произошедшее исключительно «по пьяному делу». Князь «винища греческого вылакал, спьяну смуту в народе сделал», только и всего. Что касается самой религии, то «старая вера пьяная была, / А новая и того пуще».

Спектакль был поспешно представлен отдельными театральными критиками как «восхитительная вещь» и даже как некая «русификация» Камерного театра, проведенная «с большой сдержанностью и вкусом». В рецензии на спектакль отмечалось: подлинные богатыри (удалые разбойники во главе с Фомой) – это народ; Владимировы богатыри ничтожны и жалки, именно они олицетворяют слабую и отсталую Древнюю Русь; получилась подлинная народно-комическая опера; рабочий зритель приветствовал автора и участников спектакля от имени его первых зрителей.

Казалось, что постановку с использованием музыки великого русского композитора А.П. Бородина ожидал больший успех в сравнении со спектаклем «Крещение Руси», однако реакция на «Богатырей» оказалась совершенно иной. На премьере спектакля был председатель СНК СССР В.М. Молотов. Посмотрев один акт, он демонстративно встал и ушел. Режиссеру передали его возмущенную оценку: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!»

Пьеса Д. Бедного никак не соответствовала изменившемуся отношению к истории, и она была незамедлительно осуждена специальным постановлением Политбюро ЦК от 14 ноября 1936 года. В нем отмечалось, что опера-фарс «а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции; б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры». В результате пьеса была запрещена и снята с репертуара как чуждая советскому искусству. Главе Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР П.М. Керженцеву предложено написать статью для «Правды» в духе принятого решения. Уже на следующий день статья была опубликована. Спектакль был подвергнут в ней подлинному разгрому. Официальная реакция на постановку, усилен-

ная многочисленными собраниями творческой интеллигенции, воочию демонстрировала серьезность намерений власти отбросить негодные традиции в изображении «замечательной» истории русского народа.

При обсуждении постановки на многочисленных собраниях деятелей театра, в СМИ звучала резкая критика искажения в пьесе Демьяна Бедного древнейших, отраженных в эпосе и летописях пластов русской истории. И действительно, по позднейшим оценкам, спектакль был, если мыслить о нем в булгаковских образах, как бы совместной стряпней Швондера и Шарикова, которая переходила все границы в оплевывании Родины. Поэтому вряд ли можно удивляться, что новый опус Д. Бедного был осужден как «печальная отрыжка» вывихов, отмеченных Сталиным еще в декабрьском (1930) письме поэту. И автор пьесы, и Камерный театр во главе с Таировым, по словам руководителя Всесоюзного комитета по делам искусств П.М. Керженцева, своей новой постановкой «радовали» не народы Союза, а «только наших врагов», поскольку героика русского народа, богатырский эпос, дороги большевикам, как дороги «все лучшие героические черты народов нашей страны».

Наиболее резкая критика прозвучала, пожалуй, со стороны литературных собратьев незадачливого автора пьесы. Выступая на бюро секции поэтов Союза советских писателей, А.А. Сурков говорил: «Вся пьеса Демьяна Бедного проникнута вульгарным отношением к вопросам истории. Фашистская литература говорит, что в России нет народности, не имелось и государственности. В связи с такой трактовкой вся концепция Демьяна Бедного имеет политически вредное направление». В таком же духе отзывался о «Богатырях» и А.А. Фадеев. В пьесе, по его мнению, автор «вольно или невольно, но твердо проводил идеологию фашистов, пытался опорочить народных героев прошлого, дал неверное описание русской истории». О сознательном проведении фашистской идеологии, говорить, очевидно, не стоило. Однако осудить очередное русофобское искажение отечественной истории было не только справедливо, но и необходимо.

Критика русофобии в работах Н.И. Бухарина, Д. Бедного и др. явно направлялась из высших кремлевских сфер. Однако она отнюдь не говорила о переходе Сталина и всего его окружения на националистические русофильские позиции. Интернационализм – доктрина, предполагающая, в конечном счете, преодоление национальных различий, иначе говоря, доктрина национал-нигилистическая, национофобская по своей природе. Русская нация в силу своей многочисленности и устойчивости могла вызывать у интернационалистов наибольшие опасения насчет осуществимости их замыслов. Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических целей, в частности для того, чтобы умерять чрезмерные притязания националистов иных национальностей. Русофобия имеет не только нравственно-этические и социально-психологические измерения. В историческом плане ее можно определить как политику, с большим трудом совершающую переход от национального нигилизма к признанию благотворной роли национальной идеи, национального и национально-государственного патриотизма. В наибольшей степени национальный негативизм в истории нашей страны в XX веке сказался и сказывается на русской нации. Отсюда – русофобия как игнорирование и боязнь русского национального фактора при решении политических судеб России и решении русского национального вопроса.

Как троцкисты-бухаринцы были национал-шовинистами

По Сталину, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и их последователи исходили из того, что «при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки

должны превратиться в единый общий язык», что «уже пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия». В заключительном слове по докладу на XVI съезде партии (1930) Сталин демонстративно подчеркнул: «Теория слияния всех наций, скажем, СССР в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистическая, теория антиленинская», а будущий общий язык не будет великорусским.

Сопоставление положений цитируемого доклада и написанной несколько ранее его же статьи обнаруживает: отличие И.В. Сталина от «уклонистов» заключается лишь в том, что последние были готовы форсировать процессы слияния наций уже в обстановке начала 1930-х годов, а Сталин эту же задачу выносил в неопределенное но, по-видимому, не столь уж отдаленное будущее. Форсирование по рецептам «уклонистов» могло сопровождаться и гораздо большей степенью насилия над национальностями, чем при Сталине. Причислявшийся в недавнем прошлом к гуманистам Н.И. Бухарин в своем труде «Экономика переходного периода» (1920) «теоретизировал» на сей счет отнюдь не с гуманистических позиций: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Г.Е. Зиновьев призывал в 1918 году коммунистов Петрограда во имя торжества социализма пожертвовать каждым десятым россиянином. «Мы должны, – говорил он, – увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожать» (Северная Коммуна. 1918. 19 сентября).

Отмежевываясь от «шовинистов», И.В. Сталин в начале 1930-х годов посчитал целесообразным выступить в роли правоверного интернационалиста и сполна получить дивиденды за осуждение политических противников и прислуживающих им «теоретиков» в известном уклоне, обнаружить каковой у каждого из них не составляло особого труда. Скажем, заявил А.И. Рыков в 1919 году, что «термин “независимость” по отношению к советским государствам распространяется главным образом на национально-культурную жизнь этих государств». Разве на этом основании нельзя осудить его за выдвижение концепции ограниченного национального суверенитета и великодержавие? Можно!

Реестр прегрешений такого рода у бывших соратников И.В. Сталина в начале 1930-х годов был составлен моментально. Стоит полистать 3—4 книги выходивших тогда журналов, и обнаружишь следующее. Выступавшему на VIII съезде партии (1919) Л.Б. Сунице припомнили его заявление о том, что пролетарская революция может победить только в том случае, если игнорировать национальные моменты, и что «принцип права наций на самоопределение должен быть отвергнут самым решительным образом». М.П. Томский заблуждался, утверждая: к самоопределению и национальному движению «мы относимся как к неизбежному злу». Роза Люксембург, Г.Л. Пятаков, Е.Б. Бош, Н.И. Бухарин, вместе взятые, виноваты, поскольку под их левой фразой «для пролетариата не существует национального вопроса» скрывается, по сути, «самый явный великодержавный шовинизм». Бухарин, в отдельности, уличался еще в том, что выступал против требований Сталина о необходимости борьбы с националистами на двух фронтах. Какое значение, спрашивал он, имеет узбекский шовинизм в международном масштабе? Другое дело – русский. Оказывается, «в этой недооценке значения “мелких” народностей и заключается, по существу, великодержавный подход, несмотря на антивеликодержавную фразеологию». Троцкист В.А. Ваганян был обвинен в забвении того, что лозунг национальной культуры является буржуазным только в условиях буржуазного государства и что он становится пролетарским под эгидой Советской власти. «Забыв об этом, Ваганян скатился к махровому великодержавничеству, прикрываемому крылатыми фразами об интернациональной культуре». Г.Е. Зиновьев – «солидаризировался с ваганяновским отрицанием лозунга строительства национальной по форме

и пролетарской по содержанию культуры», за что лично Сталиным уличен как «сторонник колонизаторства». Он же, Зиновьев, выступал с пресловутой великорусско-шовинистической теорией борьбы двух культур, в соответствии с которой допускал, что на Украине при свободном развитии языков «через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный» – русский, значит. Ему же, Зиновьеву, поставлена в вину констатация «чересполосицы» в государственном строительстве: «Единая централизованная партия и рядом с этим федерация государств. Тут одно должно уступить другому. Я думаю, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что элементы федерации в государственном строительстве в будущем уступят чисто пролетарской тенденции к единству». К.Б. Радек, «один из видных руководителей люксембургианства», после решений X – XII съездов партии не просто уклонялся, а *по буржуазному извращал* учение партии по национальному вопросу. Он утверждал, что территории всех национальных советских республик «не имеют условий для самостоятельной жизни. Но если мы сегодня откажемся от Туркестана, то завтра он сделается английским… Поэтому окраины, которые мы имеем, мы должны удерживать в своих руках». Здесь – «ясное слияние люксембургианства с великодержавничеством».

Оказалось также, что А.И. Рыков, будучи председателем Совнаркома, якобы избрал его трибуну для того, чтобы «издеваться над национальной политикой партии». При обсуждении союзного бюджета он возражал против значительно более быстрого роста бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР и заявлял, что считает «совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы “живут за счет русского мужика”». Хотя руководитель правительств СССР и РСФСР и не осмеливался выносить этот вопрос в ЦК партии, его выступление в Совнаркоме было расценено как воспитание своей группы на основе «великодержавности, составлявшей часть рыковской политической физиономии». Действительно, А.И. Рыков выделялся среди российских политических деятелей своим стремлением различать в конкретных регионах конкретные виды шовинизма, вовсе не обязательно великорусского. Например, он заявил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (июль – август 1927 г.), что РСФСР является наиболее отсталой из республик по оплате культработников. Так сказать, «великодержавная» народность была в этом отношении наиболее отсталой, отметил он. Наиболее передовыми в данном случае были Украина и Закавказье. Попытка выровнять положение была расценена украинскими товарищами как великодержавный шовинизм. «Было правильно, – замечал Рыков, – когда в Тамбовской губернии получали на 40—50 рублей меньше, это было в интересах национального самоопределения, а когда получают на 2– 3 рубля больше, то это великорусский шовинизм». Показательно также высказывание председателя Совнаркома о том, что термин «колониальная политика» может употребляться «только в том смысле, что колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас колоний за счет метрополии».

Авторов обвинений «уклонистов» в великодержавничестве и великорусском национализме совершенно не смущало противоречие, игнорируемое при выстраивании своих инвектив. Зачастую оказывалось, что «великодержавники» (от Троцкого до Бухарина и Рыкова) были готовы к расчленению «великой державы» и раздаче ее по частям своим возможным зарубежным союзникам. С.М. Диманштейн, например, прежде чем самому попасть в число уклонистов, утверждал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм» (1935), что организации вредителей – группа Л.К. Рамзина, меньшевистская группа В.Г. Громана и многие другие – имели в своем контрреволюционном идеологическом арсенале такое оружие, как великодержавный национализм, что контрреволюционная «Промышленная партия» пыталась назвать себя русской национальной партией. При этом обвинитель клеймил обвиняемых за то, что они якобы «предлагали мировым империалистам в уплату за интервенцию уступить Украину, Закавказье, Белоруссию и т. д.».

Статья И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» (1929) тоже неубедительно представляла оппонентов его национальной политики великодержавными националистами. Однако ко времени публикации становились актуальными другие положения этого «классического произведения». Приметы «второго этапа всемирной диктатуры пролетариата», на котором только якобы должны складываться зональные экономические центры «для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы», начинали угадываться в Союзе ССР, поскольку зональный экономический центр (иначе говоря, всероссийский рынок) существовал здесь уже более века. Обвинений в уклоне к великодержавному национализму самому Сталину в 1949 году ждать было неоткуда.

Противодействие ассимиляции – контрреволюция?

Перспективы «окончательного» решения национального вопроса к концу 1940-х годов стали определеннее. Устоять перед соблазном форсировать интеграционные процессы в национальной сфере Сталину было, видимо, нелегко, ибо революционер он на то и революционер, чтобы форсировать все и вся. В данном же случае можно было и на высший авторитет опереться. Предупреждал же Ленин, что социализм есть «гигантское ускорение» сближения и слияния наций, а пролетариат «не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий». Сталин, как известно, любил повторять в нужный момент: «Против Ленина – не пойдем!»

По крайней мере, рассмотрение в Верховном Суде СССР дела группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета (май – июль 1952 г.), продемонстрировало, что выступать за развитие национальных культур в СССР в определенных случаях становилось уже просто небезопасно. По сути дела устанавливалось, что расцвет социалистических наций в его единственно правильной и законной интерпретации никоим образом не должен означать сопротивления ассимиляции, а тем паче борьбы против нее. Последнее расценивалось уже как преступление. Убедиться в этом позволяет диалог между генерал-лейтенантом юстиции А.А. Чепцовым (председателем Военной коллегии Верховного суда СССР) и И.С. Фефером (поэтом, бывшим секретарем ЕАК, одним из подсудимых по «делу ЕАК»):

ЧЕПЦОВ:…Борьба против ассимиляции и составляет несуществующую еврейскую проблему, которую пытался разрешить ЕАК. Это правильно?

ФЕФЕР: Да, верно… Но в тот период я часть того, что мы делали, не считал националистической работой. Я, например, не считал, что противодействие ассимиляции является националистической деятельностью.

ЧЕПЦОВ: Вы пришли в «Эйникайт» (Антифашистская газета на идиш, издававшаяся комитетом вплоть до его закрытия 20 ноября 1948 г. – Авт.*), чтобы бороться против ассимиляции за культурную автономию евреев?*

ФЕФЕР: Нет, за рост еврейской культуры.

ЧЕПЦОВ: Но это тоже националистическая задача.

ФЕФЕР: Я тогда это не считал националистической задачей.

ЧЕПЦОВ: А борьба против ассимиляции, что это такое? Значит, вы вели с самого начала антисоветскую деятельность.

ФЕФЕР: Националистическую деятельность…

ЧЕПЦОВ: Что вы поправляете. Всякая националистическая деятельность есть антисоветская деятельность.

Л.М. Квитко, проштудировав в тюрьме труды Ленина и Сталина по национальному вопросу (а этим, как видно из материалов «дела ЕАК», усердно занимались и подследствен-

ные и следователи) и оценив свою роль в развитии национальной и интернациональной культуры в СССР, пришел к заключению, которое не вызвало никаких поправок председательствующего, других членов суда, и, видимо, могло вполне удовлетворить самого Сталина. Это заключение, которое по своей претензии на глубину обобщения и категоричность можно назвать законом, гласит: «Еврейская культура была нужна, как нужна была и литература всех национальных меньшинств для того, чтобы к известному периоду подготовить массы на их родном языке к ассимиляции» (Неправедный суд. М., 1994).

Как видно из диалогов в Верховном суде СССР, «законные» представления о расцвете национальной культуры стали весьма своеобразными, превратившись в полную противоположность изначальному смыслу слова «расцвет». Представления о национальной культуре как таковой у А.А. Чепцова скорее соответствуют ваганяновской формуле, гласящей, что лишь «через уничтожение национальной культуры может быть достигнута подлинная общность культуры для всего общества». Фактически эта же мысль звучит и в выступлении сталинского соратника Л.М. Кагановича, осуждавшего на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС националистическую деятельность Л.П. Берии. «В результате осуществления нашей политики по национальному вопросу, – говорил он, – на основе победы единого социалистического уклада в народном хозяйстве, мы создали новые социалистические нации. Эти социалистические нации нужно все больше и больше объединять для их расцвета, а не противопоставлять. Берия вел к разъединению наций».

Некоторые ученые, доказывая, что Сталин не был сторонником слияния наций и не мог проводить такой политики, приводят в доказательство сталинскую же отсылку к ленинской работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», где содержится указание на то, что национальные различия «будут держаться еще очень и очень долго после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе». Отсылка эта не должна бы никого вводить в заблуждение. Речь у В.И. Ленина идет о национальных различиях, а не о нациях как таковых. Между тем очевидно, что историческое время существования тех и других не совпадает. Иначе говоря, Ленин лишь констатировал, что придет время, когда наций не будет, а национальные различия (как производное от наций) еще сохранятся. Сталин же, на наш взгляд, для успокоения приверженцев национальной идеи и расцветающих наций неправомерно отождествил эти явления.

Отличительные черты сталинской национал-большевистской политики

Национальная политика, осуществлявшаяся советским государством с 1917 года до середины 1950-х годов, часто именовалась ленинско-сталинской. Тем самым подчеркивалось, кем именно определялись основы политики. Нередко политика называлась сталинской, и в этом тоже был свой резон, поскольку после Ленина именно Сталин практически направлял ее курс. Разумеется, истоки национальной политики связывали также с именами основоположников марксизма. Однако практическое значение для рассматриваемого периода имела сталинская интерпретация наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина в теории национального вопроса.

Практическую национальную политику с 1930-х годов Сталин направлял по новому руслу, утверждая свой «национальный большевизм», нацеленный на превращение населения страны в некую новую общность людей, главной ценностью которой были бы реабилитированная в 1934 году своеобразная разновидность национализма – патриотизм, высокое понятие – Родина. Однако все это – и порядком подзабытые к тому времени понятия, и сама русскость, проступавшая в отличительных чертах утверждаемой новой общности, допускались не по особой любви, а по необходимости: вокруг русского народа сплотить новую

общность было легче, чем на его отрицании. Выступая на заседании Политбюро 15 марта 1934 года, Сталин рассуждал здраво: раз русский народ в прошлом собирал другие народы, эту же роль он должен играть и сейчас. Поэтому уже к концу 1930-х годов утверждаются представления о русском языке как языке интернациональной культуры. При этом следует, конечно, иметь в виду, что русская культура сама по себе мало чего стоила, если не становилась советской.

Приверженцы «левацкого интернационализма» до сих пор недоумевают. Дескать, неожиданно и ни к чему все это было, «поскольку раньше вся официальная идеология строилась на том, что советский человек в своих эмоциях и поступках руководствуется любовью к революции и коммунизму, чувством братства и солидарности с трудящимися всех стран, а не любовью к своему отечеству и к своему национальному корню. Понятия “отечество”, “родина”, “патриотизм” относились к миру призраков дореволюционного прошлого и несли отрицательный привкус старой, царской России. И вдруг эти слова… получили высшую санкцию – от самого вождя партии и государства» (Синявский А.Д. Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26). В качестве признаков постсталинской эпохи приверженцы такого «интернационализма» утверждают нечто противоположное. Предельно откровенно и четко его суть выражена Г.С. Померанцем в статье «Человек без прилагательного», обратившей на себя внимание читателей не только нашей страны, но и русского зарубежья. «У сверхдержав, – писал автор, – нет прогрессивной национальной задачи. Идея их может быть только вселенской, космополитической. Интеллигенция не имеет права на патриотизм. Она может опираться только на международную солидарность ученых, писателей, всех людей доброй воли через головы национального мещанства». По определению сегодняшних дней, «космополитизм означает бытие миром, в едином мировом гражданстве, в событии, соразумении, совести, сознании. Ныне такое мировое согражданство не утопический проект, а тривиальное условие выживания». И для убедительности прибавляется: «Сама европейская культура есть живейший пример такого согражданства».

Сталинское учение о нациях, развиваемое в 1930—40-е годы без видимого вмешательства «главного теоретика национального вопроса» (до опубликования в 1949 г. работы 1929 г. «Национальный вопрос и ленинизм» и появления в 1950 г. «классического» труда по языкознанию), тем не менее уже при его жизни вплотную подошло к утверждению новых представлений о «социалистической исторической общности людей», возникающей в результате объединения отдельных групп наций вокруг зональных экономических центров и пользующихся отдельным общим языком. Н.И. Бухарин, как показано выше, в 1935—1936 годы создал своеобразную концепцию о советском народе как новой общности людей. Однако он не стал признанным родоначальником теории новой общности. Видимо потому, что «героический советский народ» и *homo soveticus* в его понимании возникали на отрицании национальных традиций и ценностей народов. В модифицированном виде эти идеи пытались воскресить и позже.

В 1944 году на совещании историков в ЦК ВКП(б) М.В. Нечкина предложила определить, что «советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков». Однако предложение не привлекло должного внимания и не стало предметом дискуссии, видимо, из-за его опасной близости к бухаринским рассуждениям леворадикального толка в 1930-е годы.

Сталинская позиция в этом отношении была внешне свободна от «левизны». Его интерпретация советской общности (используя выражение Сталина, можно говорить о ней как о зональной социалистической общности людей) изображала ее как результат развития

лучших черт советских наций и прежде всего русского народа, субстратом ее культуры в значительной степени также выступала русская культура. Удельный вес русской составляющей в формировании новой общности советских людей был настолько велик, что Сталин порой по существу отождествлял ее с русским народом. Показательным в данном случае представляется тост Сталина за русский народ, произнесенный 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников (И.И. Бродский, А.М. Герасимов, Е.А. Кацман). «Давайте выпьем за советский народ, за самую советскую нацию, за людей, которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию. Я специалист по национальным делам. Я кое-что в эти дни прочитал. Я сказал как-то Ленину: самый лучший народ – русский народ, самая советская нация… Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ».

Для чего понадобился титул «старший брат» для русского народа

В конце 1937 года была изобретена чрезвычайно удачная в пропагандистском отношении концепция, объяснявшая место русского народа в советской семье народов. К прежним титулам русского народа – «великий», «первый среди равных» – добавлялся новый – «старший брат». В предпоследний день года в «Ленинградской правде» была помещена статья А. Садовского «Старший среди равных». В ней говорилось: «Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах свободу, он по-братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему». Концепция «русского народа как старшего брата» нашла выражение в брошюре Б.М. Волина «Великий русский народ», выпущенной в свет в августе 1938 года. В ней утверждалось: «Народы СССР гордятся своим старшим собратом, первым среди равных в братской семье народов – русским народом».

Создание и закрепление за русским народом образа «старшего брата» произошло, вероятно, не без влияния книги Анри Барбюса «Сталин», широко разошедшейся по стране в 1936 году. Знаменитый писатель обожествлял Ленина и Сталина – вождей «всех лучших людей земного шара». Он уверял, что лучшее в судьбе каждого находится в руках «человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата», который по ночам «бодрствует за всех и работает». Ему казалось также, «что тот, кто лежит в мавзолее посреди пустынной ночной площади», тоже «бодрствует надо всеми… он – отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми». Какой, однако, прок от усопшего старшего брата для рядового прагматика и материалиста. К здравствующему русскому народу подобное выражение подходило куда как больше, да и многие в СССР желали именно такого отношения великого народа к своим «собратьям».

Новая составляющая концепции об исторической роли русского народа («старший брат») понадобилась, скорее всего, для новой трактовки старой задачи о ликвидации фактического неравенства наций. В 1920-е годы это решение трактовалось с явно русофобской прямолинейностью. «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе, – говорилось в книге Г.С. Гурвича “Основы Советской Конституции” (1929), – есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность “державной нации” оказать помощь, которая есть только возвращение долга». Державная русская нация для удобства взимания с нее долга из числа субъектов федерации была просто-напросто исключена, ресурсами РСФСР и русского народа бесконтрольно распоряжался наднациональный союзный Центр.

Новое титулование народа позволяло, по существу, дезавуировать заявления об окончательном разрешении национального вопроса, с которыми поспешили в очередной раз выступить «леваки» из тогдашнего партийного руководства. Однако они не предусмотрели, что заявления такого рода вели к нежелательным практическим последствиям. К примеру, председатель СНК РСФСР Д.Е. Сулимов заявлял: «Автономные республики и области (РСФСР) в своем культурном и хозяйственном развитии достигли такого уровня, когда смело можно говорить, что они в исключительно короткий срок прошли огромный путь хозяйственного и культурного возрождения и догнали основные русские районы и области. Не случайно Татария, Башкирия, Кабардино-Балкария одними из первых награждены высшей наградой нашей страны – орденом Ленина» (Правда. 1937. 15 января). Это означало, что дальнейшая помощь русского народа отсталым народам и регионам не требовалась. В интересах же соблазненных «приманкой русофобства» (Г.П. Федотов) «отставших» народов было продолжение политики ликвидации «остатков» национального неравенства.

Перспектива, вырисовывавшаяся в свете заявления Сулимова, вызвала целый хор протестующих голосов. С.М. Диманштейн, к примеру, писал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм»: «В области окончательного разрешения всех вопросов, связанных с ликвидацией остатков национального неравенства, предстоит еще колоссальная работа, в которую должны привлекаться широкие массы как самих бывших угнетенных национальностей, так и тех народов, которые находятся на более передовых позициях». В 1938 году этот же вывод обосновывался и во влиятельном теоретическом журнале: «Несмотря на колоссальные успехи национальных республик в деле изживания былой отсталости, все же нельзя еще говорить о *полной* ликвидации всяких элементов фактического экономического и культурного неравенства. Вследствие этого остаются в силе и особые задачи ленинско-сталинской национальной политики, связанные с вопросом ликвидации этого неравенства, на основе нового, несравненно более высокого уровня, достигнутого передовыми частями нашего Союза» (Советское государство. 1938. № 2).

Это означало, что время отказываться от курса на выравнивание уровней экономического развития и от помощи передовых народов отстающим собратьям, от курса X съезда партии еще не пришло. В частности (точнее, в первую очередь), русский народ еще должен был проявить себя в решении «особых задач» национальной политики. Иначе говоря, донорскую роль, которую играл до этого русский народ, надо было пролонгировать. Но поскольку требовать от него помощи, как в 1920-е годы, по долгу бывшей угнетающей нации в конце 1930-х годов было уже невозможно (это опрокидывало обнародованные ранее Сталиным выводы о преодолении недоверия между народами и победе дружбы), русский народ к своим званиям «великого» и «первого среди равных» получил еще и «старшего брата» в придачу. В обязанности последнего, как известно, входит и помощь младшим братьям. Именно на эту функцию и обращалось внимание в передовой статье газеты «Правда» от 14 февраля 1938 года. «В этой братской семье народов русский народ – старший среди равных», – говорилось в ней. Однако практически это предлагалось понимать так, что «свое положение ведущего в семье равных советских республик русский народ использовал, прежде всего, чтобы помочь подняться, расправиться, развиться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые всего больше отстали в экономическом и культурном развитии». Таким образом, обозначившаяся было коллизия в экономических отношениях между «братьями» разрешилась в пользу продолжения помощи со стороны «старшего брата».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.